

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

МАЙ
2021

№5/127

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

УРОК НЕМЕЦКОГО

НЕУДАЧНИКИ

МАРИОНЕТКИ

ВОЙНА ИНТЕЛЛЕКТОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЗОЛОТОЙ
ЭШЕЛОН

ОСЕВАЯ ЛИНИЯ

«ПОДАРКИ ДЛЯ РУЗВЕЛЬТА УВОЗИЛИ
НА ГРУЗОВИКЕ...»

МИССИЯ

НЕВЫПОЛНИМА

Семён Тимошенко,
Климент Ворошилов, Борис Шапошников,
Эвальд фон Клейст, Вильгельм Кейтель,
Франц Гальдер и другие

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ПОБЕДЫ

Урок немецкого

КТО ПРЕДУПРЕДИЛ СТАВКУ О ГОТОВЯЩЕМСЯ ОБСТРЕЛЕ КРЕМЛЯ 30 НОЯБРЯ 1941 ГОДА?

■ Владимир ШЛЯХТЕРМАН

Публикация 2008 года

В 1965 году отмечалась двадцатая годовщина Победы. В редакции московской областной газеты «Ленинское знамя», где я в то время работал ответственным секретарем, составили обширный план публикаций. Естественно, большое внимание уделили событиям, связанным с обороной столицы. И вот в один из дней позвонил маршал артиллерии Василий Иванович Казаков.

– Хочу вам рассказать об одном эпизоде, – сказал он. – О нем почему-то мало пишут. Вот вы знаете, почему немцы не обстреливали столицу из орудий, а только бомбили?

– Наверное, не было пушек такой мощности, – предположил я.

– Были. И как раз на нашем участке фашисты ближе всего подошли к городу.

Москва – открытый город

8 октября 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в дневнике: «Завершено формирование кольца окружения сил противника в районе Вязьмы; оно надежно защищено от атак вражеских войск извне. Значительная часть войск правого крыла 4-й армии уже далеко продвинулась в направлении Калуги».

Чтобы лучше осознать, какая угроза нависла тогда над Москвой, надо привести цифры. Немецкая группа армий «Центр», нацеленная на столицу, на 1 октября 1941 года насчитывала 1 миллион 800 тысяч человек, свыше 14000 орудий и минометов, 1700 танков, 1390 самолетов. В составе наших Западного, Резервного и Брянского фронтов тогда находились 1 миллион 250 тысяч человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков. К тому же в первые дни наступления немцам удалось операции по окружению значительной части наших сил под Вязьмой и Брянском. И хотя упорное сопротивление надолго сковало немцев и отдельные части вырвались из «котлов», наши потери были огромные. По немецким данным, Красная армия потеряла в окружениях свыше 600 тысяч солдат, более 5 тысяч орудий. Дорога на Москву оказалась открытой. Навстречу фашистской армаде двинулись подольские курсанты. Власть Подольска мобилизовали машины, включая легковые, посадили на них курсантов, и эти «моторизованные» батальоны ринулись по пустынному Варшавскому шоссе к Малоярославцу. И там задержали наступавших на несколько дней.

И все же немцы подошли к Москве.

В эти дни командующий истребительной авиацией ПВО Московского военного округа полковник Н. Сбытов доносит: по Варшавскому шоссе, в нашем тылу, двумя колоннами идут на Москву сотни немецких танков и пехота на машинах. У нас никаких резервов...

– Сбытов докладывал мне страшные вещи, – рассказал член Военного совета Московского военного округа Константин Телегин. – Командующий округом уехал под Тулу, я остался за него. Звоню в Генштаб, а меня успокаивают: дескать, из штаба Западного фронта таких сообщений нет. А я своим летчикам верю. Дозвонился до начальника Генштаба Шапошникова. Он был раздражен моей настырностью, но выслушал и обескураженно говорит: там наших танков нет.

Немецкая пехота под Москвой в ноябре 1941 года.

– Повесил трубку, – продолжал Телегин. – Через несколько минут звонок по правительственной связи. Я узнал голос Поскребышева, начальника секретариата Сталина, который сказал, что соединяет с товарищем Сталиным. Он сразу поинтересовался, не я ли докладывал Шапошникову о прорыве немцев в Юхнов. Я ответил, что сведения доставлены лучшими летчиками, перепроверялись и вполне достоверны. Верховный спросил, что я предпринял. Доложил, что поднял по тревоге два подольских училища, создали авиагруппу для удара по танкам, форсируем формирование гвардейских минометных полков. Сталин одобрил наши меры и сказал, чтобы действовали решительно. Во что бы то ни стало надо задержать противника на пять-семь дней на Можайской линии обороны. А за это время мы подведем резервы.

Точка обстрела

Но вернемся к рассказу Казакова.

Казаков в дни битвы за Москву командовал артиллерией 16-й армии, во главе которой был Константин Константинович Рокоссовский. 16-я армия действовала на северо-западном направлении – Волоколамск, Клин, Солнечногорск, Скирманово, Крюково. Противник в несколько раз превосходил 16-ю армию в живой силе, технике, танках, артиллерии, а немецкая авиация просто царил над полем боя. Командование Западного фронта и Ставка Верховного главнокомандования знали о тяжелом положении армии, но ничем помочь не могли – не было ни людских резервов, ни техники. И 16-я армия, отчаянно обороняясь, отступала.

Василий Иванович Казаков, человек отчаянной храбрости, мотался по полкам, батареям, знал не только комполков, но и многих командиров орудий, наводчиков, заряжающих. Герой Советского Союза, он был награжден и пятью полководческими орденами, в том числе тремя орденами Суворова I-й степени. Редкий случай в нашей армии, когда так отмечали не общевойсковых военачальников, а, так сказать, узких специалистов.

В моем кабинете висела большая карта Московской области. Василий Иванович подошел к ней. Он взял со стола карандаш и, словно указкой, стал водить им по карте.

На совещании у фюрера в августе 1941-го (в центре – Адольф Гитлер, справа – начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер)

– Начнем с юга. Вот смотрите, Гудериан обложил Тулу с трех сторон. Немцы подошли к Кашире, к Серпухову, нацелились на Рязань. Стояли восточнее Наро-Фоминска, прошли Можайскую линию обороны. А с северо-запада и севера врагу удалось ближе всего подойти к Москве. 30 ноября, часа в три ночи, раздался телефонный звонок. По ВЧ звонил Верховный главнокомандующий. Рокоссовский откровенно доложил об обстановке – на фронте разрывы, у командования нет резервов. Сталин спросил, знает ли командарм, что немцы появились в Красной Поляне, а это по прямой меньше 30 километров до Кремля. Командарм ответил, что у армии не было сил, чтобы удержать Красную Поляну; но приняты меры к тому, чтобы не пустить противника дальше и выбить его из этого пункта. Верховный поддержал нас, подчеркнув, что немцы могут из Красной Поляны вести обстрел Москвы. И обещал к утру прислать помощь. Признаться, я до этого звонка как-то не задумывался о такой возможности. А тут прикинул: подвезут дальнбойные пушки и начнут бить по городу. Мы знали о том, что фашисты варварски обстреливают Ленинград. Так

же бы стреляли и по Москве. Этого допустить мы не имели права. Вскоре позвонил начальник штаба Западного фронта Соколовский и сообщил, что из резервов фронта нам выделили танковую бригаду, и – что меня особенно обрадовало – артиллерийский полк и четыре дивизиона «Катюш».

Прервем рассказ маршала. Мне почему-то тоже врезалась в память ночь на 30 ноября. В ту ночь я с друзьями дежурил на крыше нашего шестиэтажного дома на Цветном бульваре, напротив цирка. Я, разумеется, ничего не знал о событиях на фронте, о Красной Поляне, звонке Сталина. На крыше было довольно ветрено, и в сильные порывы с севера явственно слышалась пулеметная стрельба. Но то были, оказывается, не зенитные пулеметы.

«Громить артиллерийским обстрелом»

Американский историк и публицист Сэмюэль У. Митчем предпринял уникальное исследование: он собрал жизнеописание всех 25 фельдмаршалов Германии. Книга его так и называется «Фельдмар-

шалы Гитлера и их битвы». Есть там глава о Федоре фон Боке – главнокомандующем группой армий «Центр». Перед ней стояла главная задача – захватить Москву. Поэтому у фон Бока была треть всех дивизий, задействованных в рамках плана «Барбаросса». Описывая положение к концу ноября, Митчем пишет: «Немцам удалось пробиться сквозь упорное сопротивление противника к пригородам Москвы. До Кремля оставалось всего каких-то шесть миль». Если сухопутная миля равна 1609 м, то получается, что от передового немецкого отряда до Красной площади было меньше 10 км, то есть она была в зоне досягаемости огня германских пушек. «Бок, в порыве нервного воодушевления, лично возглавил заключительный бросок от передового командного поста, однако 1 декабря ему стало ясно, что Москву не взять».

Германское информационное бюро сообщало в те дни, что наступление на Москву продвинулось так далеко, что можно рассмотреть внутреннюю часть города в хороший бинокль. Если видно в бинокль, то тем более можно вести обстрел. Можно было, но не стреляли. Почему? Ведь известны приказы Гитлера о создании вокруг Москвы по линии окружной железной дороги стального пояса из тысячи орудий, огонь которых должен был превратить город в руины. Был и план затопить советскую столицу водой. На месте Москвы, говорил Гитлер, должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет русскую столицу.

12 октября 1941 года Главное командование сухопутных войск Германии издало «Директиву ОКХ №1571/41 о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением», в котором говорилось: «Всякий, кто попытается оставить город

Бой за Красную Поляну

Снова вернемся к рассказу Василия Ивановича.

– После разговора с Верховным Рокоссовским четко представлял, что надо делать. Он распорядился задержать на марше два батальона и артополк, посланные под Солнечногорск, и направить их в район Черной Грязи, это в нескольких километрах от Красной Поляны. Мне приказал выдвинуть туда же еще два пушечных артиллерийских полка и дивизионы «Катюш». Только я собрался на свой командный пункт – шифровка из штаба фронта: в наше распоряжение передается танковая бригада Ф.Т.Ремизова. Связались с Федором Тимофеевичем еще на марше, передали приказ – двигаться к Красной Поляне. Не буду подробно рассказывать о бое за Красную Поляну. Он продолжался весь день. Только с наступлением темноты танкисты ворвались в поселок. У них было распоряжение: давить технику противника. Немцы сопротивлялись отчаянно, но мы их выбили, захватили пленных, машины, орудия. Как могли выглядеть пушки для обстрела Кремля, мы не знали.

Уже потом, вспоминая обстановку тех дней, думал: откуда Сталин узнал о том, что готовится обстрел Москвы? Мы об этом не сообщали – сами не знали. Выяснил, что и штаб Западного фронта не доносил. Оказалось, что в Ставку позвонили по телефону то ли из самой Красной Поляны, то ли кто-то из жителей поселка, добравшихся до Москвы. С другой стороны, узнать номер Ставки мог не каждый. Вот вы, журналисты, и попробуйте докопаться до истины, – заключил маршал.

захватили два 300-миллиметровых орудия; несомненно, они предназначались для обстрела Москвы.

145-й танковой бригадой, переданной в 16-ю армию, как я уже упоминал, тогда командовал полковник Ф.Т. Ремизов. В Минобороны узнал телефон Федора Тимофеевича. Созвонился и утром поехал к нему.

– Мы тогда стояли под Наро-Фоминском, – сообщил он. – Ночью получили приказ и тотчас же двинулись своим ходом. Тяжелый был переход: дороги разбиты, фары часто не включали – немецкие самолеты рыскали. Прибыли, с ходу в бой. На Красную Поляну бросил батальон тяжелых танков КВ, ибо предупредили: если не сможешь захватить орудия – дави их. Я и командирам машин такую установку дал. Потом докладывали: дескать, давили, но темно было...

Пришлось мне ехать за подробностями в Центральный архив Минобороны, что и сегодня находится в Подольске. Мне тут же выложили два десятка папок – приказы, боевые донесения, другие документы штаба этой бригады. К сожалению, о бое за Красную Поляну документов было немного.

Но одно важное донесение все-таки было: говорилось об уничтожении тяжелых немецких орудий.

Через несколько лет другой журналист «Ленинского знамени», Виктор Михневич, предпринял еще одну попытку выяснить, кто все-таки звонил в Ставку. Ему посчастливилось разыскать бывшего до войны техником Краснополянского узла связи Николая Ивановича Охотникова. Он авторитетно заявил: позвонить из поселка не мог никто, ибо он сам по распоряжению районного штаба обороны перерубил все линии связи в кабельном колодце, а его завалил всяким хламом.

не успела, на руках у меня был маленький Володя. Я тогда преподавала немецкий язык в местной школе, к нам в дом переехали многие ученики с матерями. Был и один мужчина преклонных лет, Федор Данилович Дмитриев. Всего человек сорок. Как размещались – ума не приложу.

Немцы пришли к нам на второй день после занятия поселка. Офицер распахнул дверь и с порога заявил: немедленно убирайтесь, здесь будут артиллерийские позиции. Я тут же ответила, что этим людям некуда идти, их дома разрушены. Мой немецкий, видимо, произвел впечатление на офицера, он махнул рукой; дескать, черт с вами, я предупредил.

Немцы сразу стали копать у самой опушки. Нас туда не пускали, да и мы старались не высовываться. Солдаты часто заходили в дом погреться, одеты они были явно не по нашим морозам. В эти дни ко мне перебралась еще одна учительница немецкого языка – Татьяна Борисовна Покровская. Из разговоров солдат мы поняли, что они оборудуют позиции для обстрела Москвы, самих пушек ожидают со дня на день. Собственно, солдаты этого и не скрывали, не раз от них слышали: «Москва – капут, Кремль – бух-бух».

Федор Дмитриев, услышав это, зашептал мне: «Владимировна, надо нашим сообщить о планах немцев». А как это сделать? Подвернулся случай: в один из вечеров попросилась переночевать незнакомая женщина. Разговорились, незнакомка сказала, что ей непременно надо добраться до Москвы. Мы как-то прониклись к ней доверием и с Федором Даниловичем сочинили записку, адресованную сестре моего мужа – Ольге Семёновне Бурылиной. Ее муж был военным, и мы были уверены, что она передаст записку куда следует.

«РИА НОВОСТИ»

6 ноября 1941 года. Иосиф Сталин читает доклад, посвященный 24-й годовщине Октябрьской революции в вестибюле станции метро «Маяковская»

(имелась в виду Москва. – Ред.) и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно... И для других городов должно действовать то же правило: до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство».

Еще в Первую мировую войну на заводах Круппа немцы изготовили орудие огромной мощности – «Большую Бертю». Эта 420-миллиметровая мортира стреляла снарядами весом без малого 900 кг. Стреляла «Большая Берта» на 14 км. У ее «наследницы» дальность стрельбы была еще больше.

30 ноября Франц Гальдер записывает в дневнике: «6 декабря будут отправлены в распоряжение группы армий «Центр» на московское направление: 10 батарей 150-мм орудий (дальность стрельбы 11300 м); 2 батареи 150-мм орудий (дальность – 15300 м); 1 батарея 194-мм орудий (дальность – 20800 м)».

Начальник Генштаба не уточняет, для чего нужны дальноточные пушки. Но и так ясно: для выполнения приказа Гитлера. Были у немцев и пушки, стрелявшие на 30 и 33 км.

Редактор «Ленинского знамени» Василий Николаевич Голубев (кстати, тоже участник войны) предложил встретиться с Рокоссовским. Оказалось, он болел. Находился в загородной больнице. Все-таки условились о том, что я приеду туда, перед очередной процедурой Константин Константинович будет 15 минут прогуливаться, вот в это время и состоится беседа.

Ровно в 11 часов я был у входа в корпус. Маршал был в теплом спортивном костюме, его сопровождал адъютант в военной форме и накинутым на нее белым халатом. Я представился, рассказал, о чем поведал Казаков и спросил, что он может дополнить.

– Боюсь, других подробностей не помню. Разве что Василий Иванович по своей скромности не обмолвился о том, что ему и полковнику Орлу я поручил возглавить операцию. (Григорий Николаевич Орел в то время был начальником бронетанковых войск 16-й армии.) Василий Иванович доложил, что Красную Поляну взяли, угроза обстрела столицы устранена. Признаться, было не до подробностей. Впрочем, одну деталь вспомнил. Кажется, в селе Каменка мы

О чем и доложил штабу, добравшись до Лобни.

Но звонок-то был!

Записка в валенке

Редакция обратилась к читателям: откликнитесь, кто может прояснить ситуацию. И буквально в день публикации позвонили несколько человек, а затем стали приходить и письма. Москвич Иван Веселов, например, написал о том, как взвод, в котором он воевал, захватил в Красной Поляне шесть немецких пушек. «У одной ствол был такой, что может пролезть человек, – сообщил Иван Андреевич. – Остальные пять орудий с длинными стволами».

Из откликов, поступивших на публикацию в «Ленинском знамени», особое внимание привлекло письмо от Владимира Горохова. Он писал, что вряд ли кто-то, кроме его матери, может сообщить подробности. Она работает в Московской ветеринарной академии.

Поехал в Академию. Доцент кафедры неорганической химии Евгения Владимировна Горохова рассказала:

– Наш просторный дом стоял около самого леса. Уйти из Красной Поляны

Мы написали, где именно немцы со- оружали позиции, я попросила еще Оленьку беспокоиться о моем сыне, если что случится. Дали адрес, вложили записку в валенок и рано утром, было еще темно, я проводила женщину. Как ни странно, сплошной линии фронта не было. Представьте: не встретили ни немецких, ни наших патрулей. Проводила женщину далеко, она потом пошла одна, а я возвратилась домой.

После я узнала, что Ольга записку получила, мужа ее не было, он находился на фронте, телефона Ставки она не знала. Но позвонила в Наркомат обороны и, вероятно, оттуда уже сообщили в Ставку.

– Еще был звонок в Моссовет.

– Полагаю, это на всякий случай сделала та самая женщина. Раздобыть номер Моссовета было несложно.

– Как звали ту женщину?

Евгения Владимировна развела руками:

– Разве в то время спрашивали документы? Но, судя по тому, что указанный нами участок подвергся обстрелу, записка дошла до адресата.

■ Дмитрий ЖУКОВ, Иван КОВТУН

Публикация 2015 года

Многие военно-политические решения советского руководства, предшествовавшие Великой Отечественной войне, по мнению специалистов, являются по меньшей мере спорными. Долгие десятилетия отечественная пропаганда и историография описывала ход территориальных приращений СССР в конце 1930-х – начале 1940-х годов явно предвзято и не слишком вдаваясь в «неудобные» подробности.

Звездный час Тимошенко пришелся как раз на этот период. Выходец из Первой конной армии, протеже Будённого и Ворошилова, Семён Константинович принимал непосредственное участие практически во всех довоенных победах Красной Армии, а в 1940 году стал маршалом Советского Союза и наркомом обороны. Великая Отечественная война фактически перечеркнула блестящую карьеру Тимошенко: он довольно быстро оказался на второстепенных ролях. После Победы его имя было отеснено на задворки советской военной истории, не в последнюю очередь стараниями некоторых его бывших подчиненных (таких как маршал Жуков), которые подчас не гнушались давать бывшему наркому самые уничижительные характеристики.

Куда более драматично сложилась судьба Клейста. Будучи до мозга костей прусским офицером, он искренне презирал нацистов, однако был вынужден обслуживать военные авантюры Третьего рейха. Гитлер, отдавая должное военным способностям Клейста, неоднократно показывал тому свое нерасположение. В любом случае фельдмаршал отнюдь не принадлежал к плеяде тех германских полководцев, образ которых активно эксплуатировала геббельсовская пропагандистская машина. В конечном итоге косвенный участник заговора против фюрера Клейст был признан военным преступником и стал единственным германским фельдмаршалом, который погиб в советском плену.

Сталинский командир из Первой конной

Семён Константинович Тимошенко родился 18 февраля 1895 года в Бессарабии, в селе Фурманка, расположенном недалеко от легендарного Измаила. Он был 17-м, самым младшим ребенком в бедной крестьянской семье. После окончания сельской школы в 1907 году из-за недостатка средств подросток не стал продолжать образование, а пошел батрачить.

В декабре 1914 года Тимошенко призвали в ряды действующей армии. После окончания образцовой Ораниенбаумской пулеметной школы Семёна направили на фронт. Он неоднократно отличался в боях на Юго-Западном и Западном фронтах, был несколько раз ранен, участвовал в Брусиловском прорыве, был удостоен трех Георгиевских крестов и медали «За храбрость». Однако в начале 1917 года Тимошенко попал под трибунал за то, что прикладом ударил офицера. От неминуемого расстрела его спасла Февральская революция.

Надо думать, что этот нелегальный эпизод при новой власти сослужил Семёну Константиновичу хорошую службу, и действительно в Рабоче-Крестьянской Красной Армии он сделал головокружительную карьеру. Менее чем за год Тимошенко успел покомандовать взводом, эскадрой, полком, а в ноябре 1918 года был назначен командиром кавалерийской бригады в корпусе С. М. Будённого. В боях против белых Тимошенко был пять раз ранен, но войска ни разу не покинул. Кроме того, его заслуги были отмечены тремя орденами Красного Знамени и «почетным революционным оружием».

В 1919 году по решению Реввоенсовета Южного фронта, активными членами которого были Сталин и Ворошилов, корпус Будённого был развернут в Первую конную армию. Выходцы из нее впослед-

из архива авторов

Маршал Советского Союза Семён Константинович Тимошенко

из архива авторов

Генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст

Неудачники

СЕМЁН ТИМОШЕНКО И ЭВАЛЬД ФОН КЛЕЙСТ

ствии составили в РККА своеобразное «сталинское лобби», и к концу 1930-х годов заняли ключевые посты, ликвидировав не без помощи чекистского террора все прочие группировки в армии Страны Советов.

Ключевым эпизодом боевого пути Первой конной стала оборона Царицына (июль 1918-го – февраль 1919 года), которую в сталинские времена было принято представлять едва ли не как важнейший этап Гражданской войны, при этом роль «вождя народов» в этих событиях безмерно преувеличивалась, а сам город был с помпой переименован в Сталинград.

В боях под Царицыном самое активное участие принял и С. К. Тимошенко. В Первой конной армии он командовал 6-й, а затем 4-й кавалерийскими дивизиями. После окончания Гражданской войны Семён Константинович был направлен в Петроград, где окончил Высшие военно-академические курсы. В 1930 году Тимошенко также прошел переподготовку на курсах командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева.

В 1923 году Екатерина Святославовна Леонова родила Тимошенко дочь Екатерину (впоследствии она вышла замуж за Василия Сталина). Надо сказать, что брак Семён Константинович не регистрировал, что, впрочем, было в ту пору довольно обычным явлением. В 1926 году Тимошенко официально женился на минской учительнице Анастасии Михайловне Жуковской, которая родила ему дочь Ольгу и сына Константина.

В середине 1930-х годов Тимошенко дослужился до заместителя командующего Белорусского и Киевского военных округов. Все последовавшие волны террора он благополучно пережил, чему способствовал не только безупречный послужной список, но и

полная лояльность Сталину и «первому красному офицеру» Ворошилову. В итоге в июне 1937 года Семен Константинович становится командующим Северо-Кавказским военным округом, в сентябре того же года – Харьковским, а с февраля 1938-го – Киевским округами.

Во время «освободительного похода» в Польшу в сентябре 1939 года командарм 1-го ранга Тимошенко командовал Украинским фронтом, а в войне с Финляндией – Северо-Западным фронтом, войска которого после затяжных боев осуществили долгожданный прорыв линии Маннергейма. 21 марта 1940 года за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом отвагу и героизм» Тимошенко было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

7 мая 1940 года Семен Константинович занял высшую ступень в советской военной иерархии – он стал народным комиссаром обороны, сменив на этом посту Ворошилова. В тот же день ему было присвоено и высшее воинское звание – Маршал Советского Союза.

В условиях развернутой накануне войны с Германией масштабной мобилизации Тимошенко оценил растущую потребность РККА в опытных и талантливых командирах и предпринимал шаги по привлечению необходимых кадров в ряды Вооруженных сил. В это же время значительное число арестованных по сфабрикованным обвинениям красных командиров было возвращено в ряды Красной Армии из тюрем и лагерей. По ходатайству наркома более 200 командиров (в основном высшего начальствующего состава) вновь вернулись в строй. Среди них были К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов, А. В. Голубев. Помимо этого, заступ-

ничество Тимошенко предотвратило арест и расправу над Л. А. Говоровым и другими военачальниками. С большинством из реабилитированных командиров нарком обороны встречался лично, определяя при этом назначение для их дальнейшей службы.

На первомайском параде 1941 года Тимошенко выступил с речью, в которой среди прочего заявил: «Вторая империалистическая война, затеянная капиталистами в целях нового передела мира... продолжает охватывать все новые и новые страны... Поэтому весь советский народ, Красная Армия и Военно-Морской Флот должны быть в состоянии боевой готовности. Боеспособность наших Вооруженных сил была испытана уже не раз. За истекший год она стала значительно выше... Несмотря ни на какие происки врагов, мы пойдем вперед и вперед, к светлым вершинам коммунизма, куда ведет нас великий кормчий революции, наш Сталин!»

Командование РККА, выполняя волю Сталина, до последнего момента старалось своими действиями не дать Гитлеру повода для обвинения советской стороны в нарушении договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 года. Поэтому решение об организации вооруженного отпора немецким агрессорам было принято, когда уже стало понятно, что это не провокация, а начало войны.

Надо сказать, что до войны с Германией советская пропаганда яростно озвучивала тезис о том, что в случае нападения на СССР Красная Армия будет вести войну «малой кровью, могучим ударом», причем боевые действия будут сразу же перенесены на вражескую территорию. Было опубликовано немало патетических литературных произведений, песен

и фильмов на тему «Если завтра война...», в которых большевики доблестно громили злых «капиталистических» врагов.

Еще 15 мая 1941 года маршал Тимошенко подписал «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза», отражающие один из вариантов возможных действий.

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию от мобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар, — указывалось в этом документе. — Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

По мнению некоторых исследователей, документ вызвал негодование Сталина, и у «кормчего революции» была даже мысль расстрелять Тимошенко, поскольку «Соображения...» могли спровоцировать войну между Германией и Советским Союзом. Вождь якобы отметил: «Тимошенко здоровый и голова большая. А мозги, видимо, маленькие...». Впрочем, существует и иная версия, согласно которой этот документ вполне отражал личную точку зрения самого Сталина. Не говоря уже о том, что он целиком и полностью повторял вышеуказанные тезисы советской пропаганды.

Сталин до последнего верил в то, что «обхитрил» Гитлера и выиграл необходимое время для перевооружения Красной Армии. В результате подавляющее большинство соединений и частей РККА утром 22 июня 1941 года были захвачены врасплох, не смогли удержать предписанные им рубежи и тем более перейти в контрнаступление. Война для Тимошенко началась с катастрофы.

Аристократ на службе у Гитлера

Эвальд фон Клейст родился 8 августа 1881 года в гессенском городе Браунфельсе-на-Лане, продолжив старинный род прусских генералов и аристократов. Один из его предков, фельдмаршал граф Фридрих фон Клейст, был

одним из тех, кто в 1814 году одержал победу в сражении при Лаоне против войск наполеоновского маршала Огюста Мармона. Отец будущего военачальника танковых войск Гуго фон Клейст, доктор философии, был директором гимназии в городе Аурихе.

После окончания гимназии Эвальд в марте 1900 года поступил фанен-юнкером в 3-й королевский полк полевой артиллерии, а 18 августа 1901-го последовало его производство в чин лейтенанта. В 1907 году Клейст стал полковым адъютантом. После учебы в кавалерийском училище в Ганновере (1908–1909) он получил в 1910 году чин обер-лейтенанта и был направлен в военную академию в Берлине, где прошел подготовку офицера генштаба. В том же году он женился на Гизеле Вахтель.

Военную академию Клейст окончил в 1912 году и был прикомандирован к 14-му гусарскому полку, расквартированному в Касселе. Незадолго до начала Первой мировой войны ему присвоили чин ротмистра и перевели на службу в штаб 1-го гусарского полка.

С первых дней Великой войны Эвальд фон Клейст сражался на Восточном фронте, отличился в битве при Танненберге — ключевом сражении между русской и германской армиями, в ходе которого войска под командованием Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа нанесли поражение армии генерала А. В. Самсонова.

4 октября 1914 года Клейст был награжден Железным крестом. Ровно год молодой офицер прослужил командиром эскадрона. После чего он был назначен в штаб 85-й пехотной ландверной дивизии. В январе 1917 года его назначили на должность начальника оперативного отдела штаба гвардейской кавалерийской дивизии.

Клейст участвовал в боях с русскими войсками в Восточной Пруссии, в Польше и Белоруссии, а во время переговоров о мире в Брест-Литовске осенью 1917 года дивизия, в которой он служил, была передислоцирована в Германию. На родине Клейст находился до весны 1918 года, а затем был направлен во Францию. В это же время он был произведен в капитаны. В сентябре того же года его назначили начальником оперативного отдела штаба VII армейского корпуса.

После поражения Германии и подписания Версальского договора немецкая армия была многократно сокращена. В это время Клейст походил службу в так называемых добровольческих корпусах,

созданных с целью противодействия революционной угрозе. Как одному из лучших офицеров ему было позволено остаться в рейхсвере. С 1920 года он проходил службу в 13-м кавалерийском полку, а через три года был переведен преподавателем в Ганноверское кавалерийское училище.

В 1927 году Клейст был назначен начальником штаба 2-й кавалерийской дивизии, располагавшейся в Бреслау. В 1928-м он получил новое назначение на должность начальника штаба 3-й пехотной дивизии. Во время службы в пехотном соединении ему было присвоено воинское звание полковника. В 1931 году его перевели на должность командира 9-го Потсдамского пехотного полка. Вскоре он стал командиром 2-й кавалерийской дивизии, сменив на этом посту одного из самых известных германских генералов — Герда фон Рундштедта, ушедшего на повышение.

В 1935 году, когда в Германии была введена всеобщая воинская повинность, Клейст был произведен в чин генерал-лейтенанта. Он занимал штабные и командные должности в VIII военном округе (Бреслау). 1 августа 1936 года ему присвоили звание генерала кавалерии. В его подчинении находились 8-я, 18-я и 28-я пехотные дивизии, третья и четвертая команды пограничников. Под руководством Клейста шло наращивание вооруженных сил на восточных границах Рейха.

В 1938 году разразился скандал. Генерал-фельдмаршал и военный министр Вернер фон Бломберг, 60-летний вдовец, женился на некоей Еве Грун. Вскоре выяснилось, что ново-явленная фрау Бломберг в прошлом занималась проституцией. В результате Бломберг был вынужден подать в отставку. Примерно в то же время главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич был обвинен в гомосексуализме и последовал за своим начальником (позже все обвинения были признаны ложными и он был полностью оправдан).

На самом деле эти скандалы были сфабрикованы специально — с целью удалить из высшего военного руководства Рейха лиц, отрицательно относящихся к национал-социализму. В результате произошло изменение формы командования немецкими вооруженными силами. Гитлер стал Верховным главнокомандующим вермахта. Многих нелояльных немецких офицеров уволили из армии. Под чистку германского генералитета попал

и монархически настроенный Клейст. 4 февраля 1938 года он был отправлен в отставку.

В течение полутора лет Эвальд фон Клейст жил в своем поместье в Вайдельбрюке близ Бреслау. Несмотря на антипатию Клейста к нацистам, его компетентность в военных делах не оспаривалась Гитлером. Он был снова призван на военную службу перед самым началом Второй мировой войны — в августе 1939 года его назначили командиром 22-го армейского моторизованного корпуса, сформированного в XII военном округе.

В сентябре 1939 года корпус Клейста в составе 14-й армии генерала В. Листа успешно участвовал в боевых операциях на юге Польши, захватил нефтедобывающий район под Львовом. Во французской кампании Клейсту доверили исключительно важное задание. 29 февраля 1940 года Гитлер санкционировал его назначение командующим танковыми силами на Западном фронте. Эти силы включали 41-й моторизованный корпус генерала Георга-Ганса Рейнхардта (6-я и 8-я танковые дивизии), 19-й моторизованный корпус Гейнца Гудериана (1-я, 2-я и 10-я танковые дивизии плюс элитный мотопехотный полк «Великая Германия») и три мотопехотные дивизии из 14-го моторизованного корпуса генерала Густава фон Витерсгейма. Из десяти германских танковых дивизий пять находились в прямом подчинении у Клейста, а еще две должны были поддерживать его с севера. Таким образом, Клейст стал первым военачальником, командовавшим танковой армией, хотя этот термин вошел в официальное употребление лишь полтора года спустя. Штаб 22-го корпуса получил временное название «Танковая группа Клейста».

Танковая группировка Клейста отличалась во время французской кампании, участвуя в боях на Сомме, в Бордо. Реализуя план, разработанный Манштейном, она сумела преодолеть труднопроходимые Арденские горы, прорвала англо-французский фронт на реке Маас и совершила стремительный танковый обходной маневр. В результате союзники оказались прижаты к берегу Ла-Манша. Дюнкерк стал последним французским портом, через который английские и французские части бежали в Британию.

За разгром англо-французских войск Клейст был награжден Рыцарским крестом Железного креста, высшим орденом Третьего рейха. 16 ноября 1940 года группировка Клейста стала официально именоваться 1-й танковой группой. В апреле 1941 года она была направлена в Югославию и Грецию, а затем переброшена на восток и вошла в состав группы армий «Юг», готовившейся к вторжению в Советский Союз. Спустя годы, 17 августа 1951 года, находясь в плену в Москве и отвечая на вопросы следователя, бывший фельдмаршал Клейст так рассказывал о событиях, предшествовавших началу войны против СССР: «За несколько дней до нападения Германии на Советский Союз я получил от фельдмаршала Рундштедта письменный приказ... По этому приказу я был обязан принять на себя командование группировкой танковых войск, состоявшей из 3-го и 14-го танковых корпусов и танкового корпуса «Кемпф», и в прорвавшийся фронт русской обороны вклиниться в глубь советской территории для отражения контратаки русских танковых соединений и уничтожения их».

Блестящие победы и тяжелые поражения

С первых дней вторжения в Советский Союз 1-я танковая группа под командованием Клейста, входившая в состав группы армий «Юг», участвовала в претворении в жизнь плана «Барбаросса». Танковые армады Клейста участвовали в битве за Дубно-Луцк-Броды — в одном из крупнейших танковых сражений Второй мировой войны. Чтобы разгромить 1-ю танковую группу, советское командование бросило в бой многократно превосходящие по силе и численности три механизированных корпуса. Но уже по дороге часть тан-

С. К. Тимошенко на военных учениях (предвоенный снимок)

ИЗ АРХИВА АВТОРОВА

ков были уничтожены немецкой авиацией, а часть из-за поломок не смогли двигаться дальше. Клейсту удалось нанести поражение этим корпусам. Причина победы крылась не только в том, что немецкие танкисты имели боевой опыт в современной войне, а ими руководил проницательный военачальник. Ошибку допустило советское командование, отвергнув всякую мысль об отводе корпусов и создании сплошной линии обороны, чем и воспользовался Клейст.

10 июля 1-я танковая группа овладела Житомиром, находящимся в 150 км от Киева, 16 июля был захвачен Казатин. Советские войска, действовавшие на Юго-Западном направлении под командованием маршала С. М. Будённого и насчитывавшие около 1,5 млн человек, были сосредоточены в районах Умани и Киева. Но не успел Будённый принять командование, как между группировками Красной Армии вклинилась 1-я танковая группа, обошедшая Умань с севера. 2 августа войска под командованием Клейста соединились с частями 17-й армии, окружив в районе Умани крупную группировку войск Южного и Юго-Западного

приближалась к критической точке. Поначалу Тимошенко пытался, следуя указаниям Сталина, удерживать Киев, но после тщательного анализа ситуации он принял решение согласиться с мнением штаба оставить Киев. Но вывести войска из-под удара, как у него получилось под Смоленском, уже не успел: в результате большая часть войск Юго-Западного фронта оказалась блокирована, а само управление фронтом при попытке вырваться из окружения было разгромлено. В плен попали свыше полумиллиона советских бойцов и командиров.

Остатки сил Юго-Западного фронта отошли на рубеж восточнее Курска, Харькова, Изюма, где были пополнены новобранцами. 30 сентября Тимошенко возглавил воссозданный Юго-Западный фронт.

К этому времени 1-я танковая группа Клейста, переименованная в 1-ю танковую армию, направилась к Ростову-на-Дону. 17 октября немецкие танки ворвались в Таганрог, а через 11 дней вышли к берегам реки Миус. 21 ноября войска Клейста захватили Ростов-на-Дону, что открыло им путь на Кубань и Кавказ. Однако удержать Ростов Клейсту не уда-

лось. Действия, приведших к таким потерям. Была сделана попытка обвинить в планировании неудачной операции генерала И. Х. Баграмяна, но в ответ Сталин жестко подчеркнул: «Понятно, что дело здесь не только в Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета, и прежде всего Тимошенко и Хрущёва».

Тяжелый финал

Свое расследование в отношении действий Тимошенко начали и особысты. В Москву была отправлена телеграмма начальника особого отдела НКВД Юго-Западного фронта старшего майора госбезопасности Н. Н. Селивановского. В ней он отмечал: «В беседе с Хрущевым у нас сложилось подозрение о возможности измены Тимошенко. Я решил выслать оперативную группу из ответственных работников для организации за ним наблюдения и предотвращения возможной измены». Однако видимых последствий для Тимошенко это не имело, так как уже в июле 1942 года его назначили командующим Сталинградским фронтом, а в октябре – командующим войсками Северо-Западного фронта.

йск в марте и заменили фельдмаршалом Моделем и генерал-полковником Шернером, от которых Гитлер ожидал, что они будут действовать со всей решительностью и в соответствии с его указаниями».

После снятия с должности командующего Клейст был зачислен в резерв и вновь отправился в свое имение. После покушения на Гитлера, совершенного 20 июля 1944 года, среди множества высокопоставленных военных гестапо арестовало и фельдмаршала Клейста, которого вполне справедливо обвиняли в том, что он знал о подготовке заговора и не донес об этом властям. Однако ему, хоть и не без труда, удалось убедить «компетентные органы» в своей непричастности к заговору.

В самом конце войны, 25 апреля 1945 года, Эвальд фон Клейст был арестован американскими войсками и помещен в лагерь для военнопленных около Аугсбурга. Оттуда через несколько дней его перевели в город Висбаден – на виллу, где содержались под стражей высшие немецкие военачальники. Затем Клейст был отправлен в Лондон и помещен в генеральский лагерь. В июне 1946 года Клейста привезли в Германию, где он выступал на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля. Затем Клейста вернули в Лондон, откуда отправили в Вену, где передали югославским властям. 1 сентября 1946 года Клейст оказался в белградской тюрьме, где был несколько раз допрошен относительно своего участия в войне против Югославии в 1941 году.

4 августа 1948 года на закрытом процессе Клейст был признан виновным и приговорен к 15 годам каторжных работ. Но отбывать наказание в Югославии ему не пришлось – 4 марта 1949 года Клейста привезли в город Субботица, а на следующий день передали на венгерской границе советским представителям. Клейст находился в заключении во внутренней тюрьме МГБ, Бутырской и Лефортовской тюрьмах, а затем во Владимирском центре, неоднократно допрашивался, причем не только по тем вопросам, на которых строилось обвинение против него. 21 февраля 1952 года на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Клейст был приговорен к 25 годам заключения в лагерях. Он скончался 13 ноября 1954 года во Владимире. Официальная причина смерти, как зафиксировано в документах, – недостаточность митрального клапана.

Клейст стал единственным германским фельдмаршалом, умершим в советском плену. Причина такого финала – фатальное стечение обстоятельств, ведь по сравнению с целым рядом других гитлеровских полководцев, вполне успешно избежавших сурового возмездия, он вовсе не выглядит каким-то особенно выдающимся военным преступником.

Иначе сложилась судьба Семёна Константиновича Тимошенко. Он принимал участие в подготовке Новороссийско-Таманской операции, в ходе которой были разгромлены немецкие войска на Кубани и Таманском полуострове. Помимо этого, весной 1944 года маршал как представитель Ставки Верховного главнокомандования занимался координацией действий армий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

После войны Тимошенко был назначен командующим войсками последовательно Барановичского (с марта 1946 года – Белорусского), Южно-Уральского, Белорусского военных округов. В апреле 1960 года его зачислили в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Умер маршал Тимошенко 31 марта 1970 года.

Несмотря на столь благополучное на первый взгляд завершение военной карьеры и жизненного пути, Тимошенко, безусловно, пережил свою славу. Серьезные просчеты в руководстве войсками во время войны привели к тому, что более молодые военачальники стали смотреть на него чуть ли не снисходительно, а их реальные боевые заслуги навсегда затмили его предвоенные достижения.

...именно по приказу Тимошенко 14 июля 1941 года впервые был применен новый вид оружия – экспериментальная батарея реактивных установок, впоследствии названных «Катюшами».

фронтов, что привело к образованию «уманского котла». В немецкое окружение попало 20 советских дивизий. К 8 августа сопротивление большинства частей прекратилось.

Вскоре наметилось еще одно окружение советских войск, на этот раз под Киевом. В дневнике командующего группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока отмечалось: «Кольцо вокруг противника, оказавшегося между внутренними крыльями групп армий «Центр» и «Юг», сомкнулось. Передовые части 1-й танковой группы (Клейст) установили контакт с танковой группой Гудериана на юге от Лохвицы. Так что эту стадию битвы за Киев можно назвать чрезвычайно успешной».

Пока подчиненные Клейста громили советские армии на Украине, Тимошенко еще 23 июня был назначен председателем Ставки Главного командования. На этой должности он оставался до 19 июля 1941 года, когда была образована Ставка Верховного главнокомандующего во главе со Сталиным. В тот же день советский диктатор сменил Тимошенко и на посту наркома обороны. Всем было очевидно, что со своими задачами в самый начальный период войны Семён Константинович совершенно не справился.

Кроме того, 2 июля 1941 года Тимошенко был назначен командующим войсками Западного фронта. Он командовал этим фронтом до 19 июля, а затем – с 30 июля по 12 сентября. На этом посту его также преследовали сплошные неудачи и провалы. Исправить положение он оказался не в состоянии, хотя и отчаянно пытался хотя бы что-то предпринять. Так, именно по приказу Тимошенко 14 июля 1941 года впервые был применен новый вид оружия – экспериментальная батарея реактивных установок, впоследствии названных «Катюшами». Но это никак не повлияло на общую ситуацию. 16 июля был сдан Смоленск. Тимошенко удалось вывести из образовавшегося полуокружения части 16-й и 20-й армий, что спасло основные силы Западного фронта.

13 сентября Тимошенко был назначен главнокомандующим войсками юго-западного направления, заменив на этом посту маршала Будённого, к тому моменту буквально впавшего в маразм. Именно здесь Семёну Константиновичу пришлось впервые столкнуться с Клейстом. К тому моменту, когда маршал принял должность, обстановка уже

лось. Тимошенко провел удачную операцию и через восемь дней отбил город у немцев, что стало одной из первых побед Красной Армии. Ростов оставался советским до июля 1942 года.

После неудачного сражения за Ростов-на-Дону военная карьера Клейста, как и многих других немецких военачальников, не сумевших выполнить приказы Гитлера, могла навсегда закончиться. Но неожиданно за Клейста вступил командир дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» генерал-полковник войск СС Зепп Дитрих. Он прямо заявил фюреру, что это он, Гитлер, виноват в неудаче, а не командующий танковой армией. Мужественное вмешательство Дитриха спасло карьеру Клейста.

В третий раз Тимошенко и Клейст встретились во время Второй Харьковской битвы в мае 1942 года. Тимошенко, командуя войсками Юго-Западного направления, принял самое активное участие в разработке плана Харьковской операции. Ее цель заключалась в том, чтобы осуществить окружение и разгром 6-й армии вермахта в районе Харькова, а в дальнейшем – призвав отсеченную после освобождения Харькова группу армий «Юг» к Азовскому морю, разгромить ее. 12 мая Красная Армия перешла в наступление. Через пять дней после начала наступления советским войскам удалось почти вплотную подойти к Харькову.

Тем временем, пользуясь бездействием частей правого фланга Юго-Западного фронта, группа Клейста начала перегруппировку и 17 мая сумела нанести внезапный удар в тыл наступающим советским частям. Через несколько часов после начала контрнаступления группа Клейста прорвала оборону 9-й армии Южного фронта. Спустя пять дней путь отхода Красной Армии на восток был отрезан. В результате значительная часть войск ударной группировки РККА оказалась в окружении в треугольнике Мерефа–Лозовая–Балаклея. 25 мая начались многочисленные попытки вырваться из окружения, получившего название «барвенковской западни». Бои продолжались до 31 мая. Прорваться к своим удалось примерно десятой части из числа окруженных красноармейцев. В плен попали около 200 тыс. советских солдат и офицеров.

17 июля 1942 года Тимошенко был снят с должности и через три дня вызван в Ставку, где ему пришлось в течение шести часов отчитываться о своих

Находясь на новой должности, Тимошенко сыграл известную роль в ликвидации укрепленного плацдарма в районе Демянска в феврале 1943 года. Однако задачи, поставленные перед маршалом, так и не были выполнены. Не увенчалась успехом Старорусская наступательная операция, длившаяся с 4 по 19 марта 1943 года. В ходе боев, продвинувшись всего на 20 км, войска Северо-Западного фронта потеряли убитыми более 30 тыс. солдат и офицеров. 13 марта Тимошенко был снят с должности командующего фронтом. Больше в Великой Отечественной войне войсками он не командовал. С марта 1943-го по 9 мая 1945 года Семен Константинович был представителем Ставки Верховного главнокомандования и формально занимался координацией действий фронтов.

В отличие от Тимошенко Клейст продолжал командовать вверенными ему войсками и даже достиг на этом поприще определенных успехов. После победы под Харьковом он некоторое время продолжал командовать 1-й танковой армией. Но уже осенью, 21 ноября 1942 года, когда развернулись боевые действия в районе Сталинграда, Гитлер назначил его командующим группы армий «А». Клейст очень хорошо проявил себя в период боевых действий зимой 1942–1943 годов. 1 февраля 1943 года за умелое руководство войсками в ходе боев за Кавказ и Кубань он был произведен в чин фельдмаршала.

К 1 апреля 1944 года, по собственным словам Клейста, войска группы армий «А» находились на следующих местах: 17-я армия была отрезана в Крыму, 6-я армия – на реке Южный Буг, здесь же находились румынские войска. В этот же день по приказу Гитлера Клейст был снят с должности командующего группой армий «А». Вот как объяснял снятие с должности Клейста, а вместе с ним и Манштейна генерал Курт фон Типпельскирх: «Постоянное вмешательство Гитлера в действия командования обеих групп армий («А» и «Б») и его непрерывные возражения против своевременного отвода немецких войск с безнадежных участков, чрезвычайно затруднявшие руководство боевыми действиями и приводившие всякий раз к бессмысленным жертвам, привели к исключительному обострению отношений между ним и командующими группами армий – фельдмаршалами фон Манштейном и фон Клейстом. Их признали виновниками поражений немецких во-

Вильгельм Кейтель, начальник штаба Верховного командования Вермахта, генерал-фельдмаршал

Климент Ворошилов, Маршал Советского Союза

люционного военного совета (РВС) были объединены в 10-ю армию, во главе которой был поставлен Ворошилов. Общее руководство обороной Царицына взял на себя Сталин, который был наделен чрезвычайными полномочиями.

В течение многих месяцев тяжелые бои под Царицыном шли с переменным успехом. Большевикам противостояли, в частности, казачьи части генерала Петра Краснова. Ворошилов показал себя храбрым человеком, но военными талантами он явно был обделен. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа Андрей Снесарев в своей докладной записке на имя председателя Высшего военного совета писал: «Ворошилов как войсковой начальник не обладает нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками».

Еще более категоричным было мнение членов революционного трибунала, разбившего обстоятельства вторичной сдачи Харькова летом 1919 года. От наступающих деникинских войск город обороняли части 14-й армии, которой также командовал Ворошилов. Члены трибунала пришли к выводу, что военные познания командарма не позволяют доверить ему даже батальон. Абсолютная некомпетентность Ворошилова была настолько очевидна, что даже стала смягчающим вину обстоятельством, и трибунал ограничился только снятием его с должности.

Тем не менее благодаря своей близости к Сталину Ворошилов продолжил командовать крупными формированиями Красной Армии. Он участвовал в боях с

Марионетки

■ Дмитрий ЖУКОВ, Иван КОВТУН

КЛИМЕНТ ВОРОШИЛОВ И ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ

Публикация 2015 года

Исследуя биографии и личности противостоявших друг другу полководцев, неизбежно встречаешь неожиданные параллели, побуждающие взглянуть по-новому на те трагические, но великие события.

Летопись Второй мировой войны запечатлела немало имен выдающихся военачальников, сыгравших заметную роль и серьезно повлиявших на ход боевых действий. Однако иногда на самой вершине военной иерархии оказывались руководители, деятельность которых носила крайне пагубный характер и повлекла за собой тяжелейшие последствия для армий своих стран. Климент Ворошилов и Вильгельм Кейтель были именно такими людьми. Между ними было немало общего. В первую очередь то, что они до конца оставались безропотными марионетками в руках своих вождей и беспрекословно выполняли волю последних.

Рабочий маршал

Климент Ефремович Ворошилов родился 4 февраля 1881 года в бедной семье отставного солдата, сторожа на железной дороге. Мать, Мария Васильевна, занималась поденной работой, в основном как кухарка и прачка. Уже с 7 лет Климу пришлось зарабатывать свой хлеб подпаском, а затем – подсобным рабочим на руднике недалеко от Луганска, одного из промышленных центров Донецкого бассейна. С 15 лет Ворошилов начал трудиться на металлургическом заводе в городе Алчевске. Он работал сначала курьером, потом помощником машиниста на водокачке, слесарем в электро-техническом цехе, машинистом крана в чугунолитейном цехе.

В 17 лет Клим вступил в социал-демократический кружок и прочел «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Он участвовал в забастовке, был арестован, лишился работы и затем в течение трех лет скитался по южным губерниям России, перебиваясь случайными заработками. Никакого образования, за исключением трех классов земской школы, Ворошилов не получил.

Революционные беспорядки 1905 года всколыхнули и Донбасс. В Луганске Ворошилов возглавил не только городской большевистский комитет, но и Совет рабочих депутатов. Под его руководством проходили забастовки и манифестации луганских рабочих. В начале 1906 года Ворошилова избрали от местных социал-демократов делегатом на IV съезд РСДРП. Там он впервые встретился с Лениным. Клим также познакомился и подружился с «чудесным грузином», которого знали в партийных кругах под кличкой Коба.

Участие в работе Стокгольмского съезда партии Ворошилов сочетал с закупкой оружия для боевых групп луганских рабочих. Он организовал несколько транспортов с оружием из Финляндии. С помощью Ворошилова в Луганске была организована подпольная типография, и под его редакцией стала выходить местная большевистская газета «Донецкий колокол».

К 1907 году властям удалось снизить градус социальной напряженности. Была разгромлена и Луганская организация большевиков. Ворошилова арестовали и сослали в Архангельскую губернию, откуда он сбежал на юг, в Баку, где в 1908 году работал вместе со Сталиным в составе Бакинского комитета партии. В том же году Климент Ефремович прибыл в столицу, но был снова арестован. До 1912 года Ворошилов побывал во многих тюрьмах. Выпустили его из заключения по амнистии, объявленной по случаю 300-летия дома Романовых. Находясь в

сылке, Ворошилов нашел спутницу жизни – революционерку Голду Давидовну Горбман. Своих детей у них не было.

С началом Первой мировой войны Ворошилов решил избежать мобилизации, хотя многие революционеры предпочли призыв в армию, чтобы разлагать солдатские массы своей агитацией. Будущий маршал, однако, по этому пути не пошел, а перебрался с семьей в Петроград. Здесь он работал на небольшом заводе и установил связь с нелегальным городским комитетом. Здесь же, в Петрограде, его и застала Февральская революция.

В ноябре 1917 года Ворошилов как делегат Учредительного собрания принял участие в работе III съезда Советов и был избран во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет – высший распорядительный орган Советской России. Вместе с Дзержинским он также занимался организацией большевистских карательных структур.

В феврале 1918 года немецкие войска начали наступление на восток. В Луганске под руководством Ворошилова был сформирован 1-й Луганский социалистический партизанский отряд, который принял участие в боях под Харьковом. В ходе боев отдельные отряды объединялись в наспех сколоченные армии. Одной из наиболее крупных стала 5-я Украинская армия, командовать которой было поручено Ворошилову. Впрочем, удержать город не удалось – 7 апреля в Харьков вступили немецкие и украинские войска.

Будущий советский нарком принимал участие и в обороне Царицына – в последующем эти события стали едва ли не центральным пунктом большевистской мифологии. В июне 1918 года Ворошилов привел в город отряд луганских рабочих, из которых была сформирована одна из дивизий фронта. Кроме того, было образовано еще несколько дивизий и отдельных бригад. Все они приказом Рево-

отрядами атаманов Николая Григорьева и Нестора Махно. После образования Первой конной армии Ворошилов был назначен членом ее военного совета. Вместе с Семёном Будённым и Ефимом Щаденко он осенью 1919 года вел ожесточенные бои с кавалерийскими дивизиями белых в Центральной России.

Вообще же в годы Гражданской войны Ворошилов отличился не столько на полях сражений, сколько как фанатично преданный «делу партии» политработник. Он, Щаденко и Будённый были причастны к аресту, суду и расстрелу знаменитого в то время организатора первых конных частей Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), «первой шашки республики» Бориса Думенко. Лживые и даже нелепые показания Ворошилова дали основание вынести поспешный и несправедливый приговор.

Хотя Ворошилов отнюдь не блистал на военном поприще, его имя стало активно «раскручиваться» большевистской пропагандой. В песнях, книгах, картинах, а затем и в художественных фильмах он предстал в образе героического полководца, «первого красного офицера» и гения новой «советской стратегии».

Очевидно, по соображениям «политической целесообразности» после окончания Гражданской войны Ворошилова было решено оставить на военной работе. В 1921–1924 годах он командовал Северо-Кавказским военным округом. Вместе с Орджоникидзе Ворошилов в 1924 году был введен в РВС СССР. Вскоре Климент Ефремович стал членом Президиума РВС. После смерти в 1925 году Михаила Фрунзе он был назначен на пост народного комиссара по военным и морским делам.

Как у главы такого ключевого ведомства, у Ворошилова было много дел и обязанностей. Однако лучше всего он справлялся с исполнением чисто пред-

► ставительских функций. Он мало занимался вопросами военной науки и не был озабочен изучением проблем военной стратегии. Этим он явно отличался от таких советских военных деятелей, как, скажем, Борис Шапошников и Михаил Тухачевский.

В сущности, Ворошилов так и не стал профессиональным военным. В последующем ему остро не хватало как общего, так и специального военного образования. Он и сам ощущал свое несоответствие занимаемым постам и даже писал: «Если бы я обладал такими качествами, какие имелись у товарища Фрунзе, мне легко было бы выполнить свои партийные обязанности на той работе, которой я руковожу». В ноябре 1927 года, беседуя с французской делегацией, он откровенно говорил: «Я – рабочий, слесарь по профессии, и не имею специальной военной подготовки. Я не служил в старой, царской армии. Моя военная карьера началась с того, что в 1906–1907 годах я перевозил нелегально оружие».

Казалось бы, такая критическая самооценка должна была побудить Ворошилова к энергичной учебе. Но по каким-то причинам он так и не счел нужным повысить свои куцые военные знания.

В 1930-е годы Ворошилов полностью утратил черты самостоятельной личности и целиком подпал под влияние Сталина, который мастерски использовал в своих целях тщеславие наркома. Именно в этот период культ «рабочего-полководца» приобрел наибольшие масштабы. Город Луганск был торжественно переименован в Ворошиловград, Ставрополь – в Ворошиловск, еще несколько поселков и крупных населенных пунктов стали носить его имя. Появились заводы, колхозы и горные вершины имени Ворошилова. Лучшие стрелки получали почетное звание «Ворошиловский стрелок». В честь Ворошилова был назван тяжелый танк «КВ».

В 1934 году Наркомат по военным и морским делам был преобразован в Наркомат обороны. В Красной Армии давно назрели серьезные перемены и преобразования. Однако Ворошилов фактически оттягивал механизацию частей и соединений РККА. Даже в 1938 году он все еще настаивал: «Конница во всех армиях мира переживает кризис и во многих армиях почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить, как о мощной и победоносной Красной кавалерии...»

Ворошилов несет прямую ответственность за уничтожение командирских кадров в период Большого террора. Нарком давал санкцию на аресты и подписывал большую часть проскрипционных списков. Никто из видных военачальников не мог быть взят под стражу без ведома и согласия наркома обороны. И Ворошилов почти всегда давал такое согласие. Он способствовал разжиганию шпиономании в армии и на флоте. В ряде случаев маршал выступал и в роли прямого соучастника репрессивных органов.

В 1937 году он выступил с докладом «О раскрытии органами НКВД контрреволюционного заговора в РККА». Ворошилов утверждал: «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии». Спустя год Ворошилов отчитался о результатах чистки: «Никому и в голову из нас не могло прийти, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить наши ряды... Мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек».

Красная Армия крайне ослабла в результате массовых репрессий. И это особенно сказалось в период Советско-финляндской войны. Ворошилов лично руководил боевыми действиями, часто выезжая на фронт. Однако каждый километр занятой у противника территории приходилось буквально устилать телами убитых и замерзших солдат. Раненые и обмороженные исчислялись сначала десятками, а потом и десятками тысяч.

Неудачи Красной Армии вызвали раздражение у Сталина. В январе 1940 года он отстранил Ворошилова от руководства военными операциями, назначив командующим действующей армией маршала Семёна Тимошенко, который в конечном итоге сумел добыть победу. Итоги Финской кампании рассматривались в апреле 1940 года на заседании Высшего военного совета. Было принято решение освободить Ворошилова от обязанностей наркома СССР. На этот пост был назначен Тимошенко. Чтобы как-то смягчить удар по престижу Ворошилова его наградили орденом Ленина и назначили заместителем председателя Совета народных комиссаров. В феврале 1941 года имя Ворошилова присвоили академии Генштаба. Однако его реальное влияние в партийной и военной иерархии явно уменьшилось.

Оруженосец фюрера

Вильгельм Кейтель родился на отцовской ферме Хельмшереде под Гандерсгеймом в западном Брауншвейге 22 сентября 1882 года. У него было вполне беззаботное детство, но уже в юные годы в характере мальчика проявились те качества, которые в будущем определят всю его карьеру: послушание и довольно посредственные способности. Больше всего ему хотелось пойти по стопам предков и заняться крестьянским трудом. Отец Вильгельма после смерти первой жены вторично обзавелся семьей, и небольшое поместье было не в состоянии прокормить разросшееся семейство. По этой причине Кейтель-старший определил сына в армию, надеясь, что тот со временем станет офицером. В 1901 году Вильгельм, повинаясь отцовской воле, вступил в 46-й полк полевой артиллерии в Вольфбюттеле, в котором когда-то служил и его отец. Возможно, сам юноша предпочел бы кавалерию, но отцу было не по карману купить ему лошадь.

18 августа 1902 года Кейтель получил чин младшего лейтенанта. Он был покладист, энергичен, хотя и не блистал умом – словом, младший офицер, который умел ладить буквально со всеми. Он любил поесть и выпить, обожал охоту и верховую езду, развлечения и свежий воздух. В 1906 году Вильгельм поступил в военную кавалерийскую академию и научился прекрасно держаться в седле.

В 1908 году Кейтель был назначен полковым адъютантом, в 1910-м получил лейтенантские погоны, а 8 октября 1914 года ему присвоили звание капитана.

В апреле 1909 года молодой офицер женился на Лизе Фонтен, дочери ганноверского пивовара и помещика. Лиза была хороша собой, умна и болела душой за карьеру мужа, которому подарила трех сыновей (все они в будущем также стали военными) и трех дочерей, одна из которых умерла в детстве. Лиза обладала гораздо более решительным характером, чем ее муж. Она стала рьяной почитательницей Гитлера, и не в последнюю очередь благодаря ее усилиям карьера Кейтеля неуклонно продвигалась вверх.

Весной 1914 года Кейтель начал посещать курсы офицеров резерва Генерального штаба при 10-м корпусе, однако вскоре началась Первая мировая война, и он со своим полком ушел воевать в Бельгию и Францию. В сентябре Кейтель был серьезно ранен в предплечье осколком снаряда. После выздоровления он вернулся в 46-й полевой артиллерийский полк, где в ноябре получил под свое командование батарею. В 1915–1917 годах Кейтель служил при штабе 15-й резервного корпуса и в 199-й пехотной дивизии, после чего был переведен в Генеральный штаб в Берлине. В 1919 году он находился в добровольческом корпусе на польской границе.

Служба Кейтеля в период Веймарской республики протекала вполне удачно. Три года он провел в качестве преподавателя в Ганноверской кавалерийской школе, после чего получил назначение в полевой штаб 6-го артиллерийского полка. Его карьера круто пошла вверх в 1925 году, когда полковник фон Бусше-Иппенбург, глава управления кадров, приписал его к организационному отделу военного ведомства, как в ту пору именовался засекреченный Генеральный штаб. Кейтелю было поручено формирование резервных сил, что было явным нарушением Версальского договора.

В отличие от Ворошилова Кейтель был профессиональным военным. Ему довелось служить не только в Генеральном штабе, но и в войсках. Так, в течение двух лет, с 1927 по 1929 год, он командовал батальоном 6-го артиллерийского полка в Мюнстере. 1 февраля 1929 года ему присвоили звание подполковника, и в октябре того же года он вернулся в Генштаб в каче-

стве главы организационного отдела. Даже его злейший враг, фельдмаршал Эрих фон Манштейн, впоследствии признавал, что Кейтель в ту пору отлично справлялся с возложенными на него обязанностями.

Кейтель слишком много курил и работал до изнеможения. Это в конечном итоге стало причиной сердечного приступа, осложненного двусторонней пневмонией. Когда 30 января 1933 года к власти пришел Адольф Гитлер, Кейтель находился в Чехословакии, выздоравливая в горной клинике, расположенной в Высоких Татрах. Старый приятель Кейтеля, генерал Вернер фон Бломберг, в этот же день получил пост военного министра. Немного подлечившись, Кейтель вернулся в Берлин к своей прежней работе и 13 июля 1933 года в Бад-Рейхенхалле познакомился с Адольфом Гитлером. Он был буквально очарован фюрером и продолжал его боготворить до последнего дня своей жизни.

В августе 1935 года Бломберг предложил Кейтелю пост руководителя одного из подразделений военного министерства. Новое назначение влекло за собой и повышение по службе. Кейтель, до этого командовавший дивизией и имевший чин генерал-майора, был произведен в генерал-лейтенанты. А 1 августа 1937 года ему присвоили звание генерала артиллерии.

Кейтель вполне успешно работал у Бломберга, однако их отношения носили достаточно формальный характер, даже после того как дочь Бломберга Доротея обручилась с лейтенантом Карлом Хайнцем Кейтелем, сыном Вильгельма. После того как Бломберг в январе 1938 года женился на бывшей проститутке, нацисты использовали это как повод, чтобы отстранить не слишком лояльного, по их мнению, военного министра.

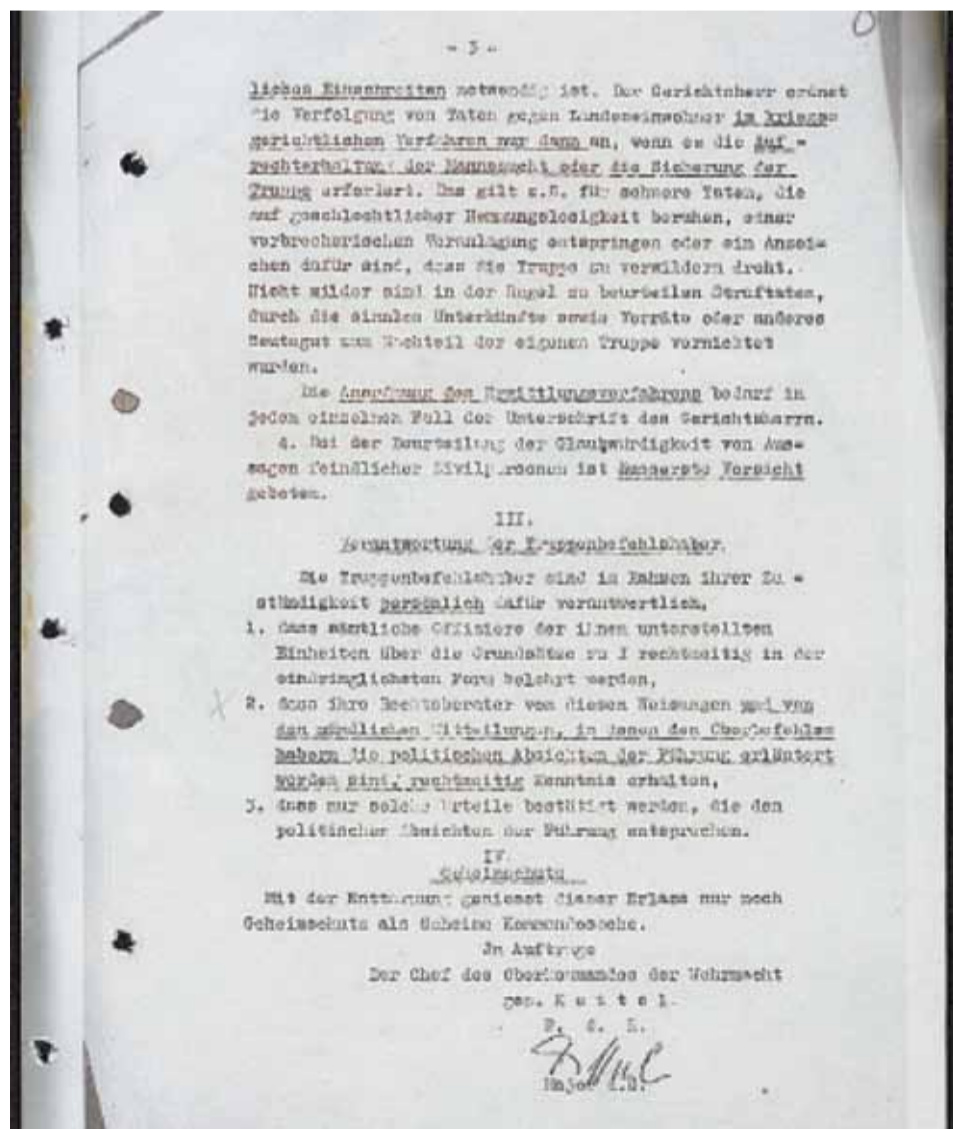
Кейтель и пальцем не пошевелил ради его защиты. Более того, когда ему в руки попались дискредитирующие Бломберга свидетельства, он лично передал их Герману Герингу. «Наци номер два» уже давно зарился на занимаемый Бломбергом пост, что было Кейтелю отлично известно. Именно Геринг 24 января 1938 года стал инициатором крушения Бломберга. Кейтель фактически предал своего начальника.

27 января Гитлер распрощался с Бломбергом. Уходя в отставку, фельдмаршал рекомендовал Гитлеру лично занять пост военного министра. Фюрер проигнорировал этот совет и лишь спросил, кто, по мнению Бломберга, смог бы взять на себя командование вооруженными силами. Тот, однако, затруднился с ответом. И тогда Гитлер поинтересовался, кто был заместителем у самого Бломберга. «Кейтель», – прозвучало в ответ, – но о том, чтобы его использовать, не может быть и речи, поскольку он всего лишь тот, кто управляет моей канцелярией». «Вот такой человек мне и нужен!» – воскликнул Гитлер и в тот же день подписал назначение Кейтеля.

Гитлер нашел в Кейтеле, как и Сталин в Ворошилове, того человека, который будет беспрекословно выполнять все его распоряжения, не задавая лишних вопросов, высокого штабного начальника, не имеющего, однако, никаких независимых командных прерогатив. Кейтель стал главнокомандующим Верховным командованием вермахта (ОКВ). Приказ о назначении вступил в силу 4 февраля 1938 года.

Выработанная Кейтелем за долгие годы привычка безоговорочно и беспрекословно подчиняться любому начальству была им автоматически перенесена на фюрера. Это имело катастрофические последствия как для самого военачальника, так и для вермахта в целом. Для Кейтеля любая критика в адрес Гитлера означала отступничество, граничащее с изменой. Любое распоряжение фюрера воспринималось им как наивысшая заповедь – ему следовало немедленно подчиняться, а не вдаваться в его суть. После войны Кейтель признался на допросе: «В глубине души я был верным оруженосцем Адольфа Гитлера, и по своим политическим убеждениям я находился на стороне национал-социализма».

Так же как и Ворошилов, Кейтель стал соучастником преступлений режима. Чаще всего его роль сводилась к тому, чтобы поставить под приказом свою подпись. В феврале 1938 года главнокомандующий ОКВ выступил в качестве подручного Гитлера, когда тот устроил в своей резиденции в Берхтесгадене

Фрагмент приказа начальника ОКВ генерал-фельдмаршала В Кейтеля от 13 мая 1941 г. о военной юрисдикции на оккупированных советских территориях. Приказ предписывал войскам применять массовые карательные меры в отношении жителей тех населенных пунктов, в которых войска подвергались нападению

моральное «избиение» австрийского канцлера Курта фон Шушнига. Этот спектакль повлек за собой аншлюс Австрии, которая вошла в состав Третьего рейха. В марте 1939 года Кейтель сыграл аналогичную роль при «обработке» Президента Чехословакии Эмиля Хахи, который в конечном итоге был вынужден подписать документ, превративший его страну в германский протекторат. В сентябре 1939 года Кейтель усердно поддакивал фюреру, призывая к уничтожению польских евреев, интеллектуалов, священников и аристократов с тем, чтобы сломить волю польского народа. Впоследствии он издал приказы, развязавшие руки СС

ные работники еще хорошо помнили неудачи Финской кампании. Назначение Ворошилова действительно не изменило неблагоприятной обстановки на фронте. В августе немцы вышли на дальние подступы к Ленинграду. Ворошилов действовал крайне неумело. Он часто выезжал на передний край обороны, в зону прямой видимости противника. Но ему не хватало твердости в руководстве войсками. В конце августа Ленинград был почти окружен и лишился железнодорожной связи со страной. 9–10 сентября, после потери Шлиссельбурга, Ленинград был окружен окончательно. Ворошилов 10 сентября лично возглавил атаку морских

чего добавил: «Кругозор моих фельдмаршалов – размером с крышку унитаза». Генерал Курт Цейцлер, назначенный на должность начальника Генштаба, не стал терпеть унижительные оскорбления. Он попросил у фюрера личной аудиенции, во время которой категорически потребовал, чтобы в его присутствии вождь воздержался от подобных высказываний. Гитлер сначала пришел в замешательство, однако затем согласился. Кейтель как всегда отмолчался.

Кейтель поставил свою подпись под пресловутым приказом Гитлера «Мрак и туман», в соответствии с которым проводилась политика «замирения» в оккупиро-

ник ОКВ подписал акт о капитуляции. 12 мая он был арестован и предстал перед судом в Нюрнберге, где его признали виновным в заговоре против мира, подготовке и ведении войны, военных преступлениях и преступлениях против человечества.

Пока шел процесс, Кейтель писал мемуары, призванные не столько спасти его жизнь, сколько обелить его «перед судом истории». Среди прочего фельдмаршал вопрошал: «Ну почему генералы, которые с такой готовностью клеймили меня как бессловесную и некомпетентную личность, пешку, не сумели отстранить меня от дел? Неужели это было столь сложным делом? Отнюдь нет. Истина заключается в том, что никто из них не был готов встать на мое место, так как все отлично понимали, что им грозило превратиться в такую же развалину, как и я».

Окончательную цену за свое угождение Вильгельм Кейтель заплатил 16 октября 1946 года, когда его повесили в Нюрнберге. Ему было 64 года.

Совсем иначе сложилась дальнейшая судьба Ворошилова. Климент Ефремович благополучно дождал до окончания войны, после чего почти полностью отошел от военных дел. Будучи членом Политбюро и Совета Министров СССР, он некоторое время курировал советскую культуру. Чаще всего Ворошилов вмешивался в музыкальные дела, в работу Союза композиторов, оперы, музыкальных театров. Он хорошо знал украинские народные песни и любил хоровое пение. Видимо, этого было достаточно, чтобы возомнить себя таким же «специалистом» по музыке, каким считал себя печально известный Андрей Жданов.

В последние годы своей жизни Сталин не только не считался с Ворошиловым, но часто выказывал ему пренебрежение и недоверие. Существует легенда, что в 1949 году была сделана попытка арестовать жену Ворошилова. И будто бы маршал схватил шашку и выгнал из своей квартиры непрошенных чекистов. Этот миф не соответствует действительности, хотя некоторые из родственников Климента Ефремовича действительно были арестованы.

Сразу после смерти диктатора Ворошилов несколько укрепил свое положение в высших партийных эшелонах. Но дружной работы с Хрущевым у него не получилось. Ворошилов фактически поддерживал «антипартийную группировку» Молотова, Маленкова и Кагановича, когда в июне 1957 года они выступили против «кукурузника». Видимо, бывший нарком обороны очень сильно беспокоила линия Никиты Сергеевича на разоблачение сталинских преступлений. Ворошилову, однако, в последний момент удалось умело славировать. Когда маршал убедился, что Хрущеву удастся сохранить власть, он лицемерно осудил вчерашних союзников. Благодаря этому он еще на несколько лет сохранил за собой высокие посты.

Когда 20 июля 1944 года в ставке Гитлера разорвалась бомба полковника фон Штауффенберга, Кейтель занимал свое обычное место – чуть слева и позади фюрера. Он лично поддержал раненого диктатора и помог дотащить его до медчасти.

и гестапо в целях проведения этой политики в жизнь, и явился инициатором мер, приведших к массовым убийствам.

19 июля 1940 года Кейтель был произведен в фельдмаршалы. Он и мечтать не мог, что ему будет оказана столь высокая честь. В то же время Кейтель не мог не понимать, какую цену ему придется платить за те посты, которым он по своим способностям не соответствовал. В этой безвыходной ситуации единственно возможной для него тактикой было безоговорочно покориться воле фюрера.

Готовясь к нападению Германии на Советский Союз, Кейтель, как глава ОКВ, 6 июня 1941 года подписал печально известный «Приказ о комиссарах», согласно которому немецким солдатам вменялось в обязанность расстреливать без всякого суда и следствия захваченных в плен армейских политработников. Многие генералы во всеуслышание заявили о своем несогласии с этим преступным приказом (известны и случаи его прямого саботирования), однако Кейтель ни на минуту не позволил себе усомниться в целесообразности подобных мер. После нападения на СССР этот, а также другие аналогичные приказы, подписанные начальником ОКВ, сыграли самую зловещую роль и привели к развязыванию войны на уничтожение.

Верность диктаторам

С началом войны против Советского Союза во главе созданной 23 июня 1941 года Ставки Главного командования встал Тимошенко. Важное место отводилось и Жукову, возглавлявшему Генеральный штаб. Особо тяжелое положение создавалось на Западном фронте. Ставка направила туда маршалов Шапошникова, Кулика и Ворошилова. Но они не смогли даже овладеть управлением войсками, чтобы упорядочить отступление. Видя разгром и беспорядочный отход соединений и частей РККА, Ворошилов и Шапошников предложили создать новую линию обороны не по реке Березине, а гораздо восточнее – по среднему течению Днепра. Фактически продвижение немцев удалось временно приостановить еще восточнее – в боях за Смоленск.

Главная ответственность за поражения первого периода войны лежит, конечно, на Сталине. Но и вина Ворошилова также очевидна. Он виновен в том, что допустил уничтожение военных кадров. Он успокаивал страну речами, что Красная Армия имеет более мощные огневые средства, чем любая другая армия. Ворошилов как нарком обороны чрезвычайно преувеличивал роль конницы в будущей войне в ущерб развитию танковых соединений и войск ПВО.

1 июля 1941 года Ворошилова отозвали в Москву. А 11 июля его направили в Ленинград – он должен был принять командование над отступающими войсками на северо-западе. Прибытие Ворошилова и его штаба в город на Неве не вызвало в потрепанных войсках особого воодушевления. И командиры, и партий-

пехотинцев, но это скорее был акт отчаяния. Сталин снял Ворошилова с должности и назначил на его место Жукова.

Несмотря на катастрофические провалы и ошибки, Ворошилова Сталин поощрял. Он назначил его ответственным за подготовку резервов РККА в Московском, Среднеазиатском и Уральском военных округах.

В сентябре 1942 года Ворошилов стал Главнокомандующим партизанским движением. Ему был подчинен созданный еще весной 1942 года Центральный штаб партизанского движения, возглавляемый Пантелеймоном Пономаренко. Участие Ворошилова в руководстве партизанами было сугубо формальным и особой пользы не принесло. Когда Красная Армия начала продвигаться на запад, Ворошилов возглавил Трофейный комитет. Он выполнял и другие поручения: вел переговоры с британской военной делегацией, участвовал в Тегеранской конференции, был председателем комиссий по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией.

Тем временем Кейтель продолжал покорно выполнять волю Гитлера, выпуская один преступный приказ за другим. Так, 16 декабря 1942 года он издал распоряжение по вооруженным силам. Вот выдержка из него: «Представляется не только оправданным, но и необходимым, чтобы войска использовали любые методы без каких-либо ограничений, даже против женщин и детей, если только это будет способствовать нашим успехам. Любое проявление жалости является преступлением против народа Германии».

Сразу после смерти диктатора Ворошилов несколько укрепил свое положение в высших партийных эшелонах. Но дружной работы с Хрущевым у него не получилось.

Кейтель практически не имел никакого влияния на Гитлера при принятии стратегических решений. Когда командующий резервной армией генерал Фридрих Ольбрихт поинтересовался, как складываются отношения между Гитлером и ОКВ, Кейтель сердито ответил: «Понятия не имею. Мне он ничего не говорит. Да он плюет на меня». Это была часть той цены, которую фельдмаршал платил за занимаемый пост. В прошлом уважаемый член офицерского корпуса, он был теперь всеми презираем. Даже нижестоящие по рангу генералы за глаза называли его «Лакейтелем» и «кивающим ослом».

Практически после каждой крупной неудачи вермахта Гитлер обрушивал свой гнев на представителей верховного командования. После отступления с Кавказа он заявил: «Мои фельдмаршалы – великие тактики. Но под тактикой они в основном понимают отступление!» После

ванных странах. Согласно этому приказу, любой, заподозренный в сопротивлении нацистам, должен был просто исчезнуть «во мраке и тумане», словно его никогда не существовало. Жертвы попадали в руки гестапо, где и погибали. Кейтель пытался оправдать этот приказ следующими словами: «Такова воля фюрера».

Начальник ОКВ одобрил такие злодеяния, как казни бастующих железнодорожников, массовые убийства евреев, расправы над партизанами. Он также одобрително отнесся к предложению, призывавшему гражданское население Германии на месте расправляться с захваченными летчиками союзников, добавив при этом: «Я против судебной процедуры. Она не срабатывает».

Когда 20 июля 1944 года в ставке Гитлера разорвалась бомба полковника фон Штауффенберга, Кейтель занимал свое обычное место – чуть слева и позади фюрера. Он лично поддержал раненого диктатора и помог дотащить его до медчасти. Фельдмаршал принял незамедлительные меры к предотвращению переворота. Предпринятые им решительные действия раздавили путч в самом зародыше. Он арестовал собственного начальника связи, генерала Эриха Фелльгибеля, который, как он подозревал, нарочно изолировал ставку Гитлера после того, как прогремел взрыв. Кейтель распорядился арестовать генерал-полковника Фридриха Фромма, главнокомандующего резервной армией, и фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена. Глава ОКВ стал председателем суда чести, который отправил на казнь не один десяток офицеров. В октябре 1944

года он приложил руку к доведению до самоубийства генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля, предложив тому выбрать между смертью и судилищем. Роммель выбрал смерть.

Когда в Германию вступили войска союзников, Кейтель издал приказ, подписанный также шефом СС Гиммлером, согласно которому города, являвшиеся важными транспортными центрами, должны были держать оборону до последнего человека. Любой командир, не сумевший исполнить этот приказ, подлежал расстрелу.

Во время битвы за Берлин Кейтель хотел оставаться в столице рейха рядом с фюрером, но тот отослал его прочь. Фельдмаршал отчаянно пытался спасти город. «История и немецкий народ будут презирать каждого, кто не отдаст последние силы во имя спасения страны и фюрера», – заявлял он. Но город пал. 8 мая 1945 года началь-

В 1960 году, когда Ворошилову исполнилось уже 79 лет, он был освобожден от обязанностей председателя Президиума Верховного Совета СССР. Ворошилов не был лишен тех привилегий, которыми пользовался в прошлом. Он спокойно доживал свои последние годы на даче в Подмосковье. Нередко его видели в обеденном зале ресторана «Прага» – излюбленном месте отдыха многих персональных пенсионеров. Также Климент Ефремович занимался написанием мемуаров, в которых он с уважением вспоминал о Сталине. Но, как и Кейтель, Ворошилов не смог донести свои воспоминания (вышла только первая книга «Рассказов о жизни»). 2 декабря 1969 года «первый красный офицер» умер, и его с почестями похоронили у Кремлевской стены.

■ Дмитрий ЖУКОВ, Иван КОВТУН

Публикация 2015 года

Ни одна армия в мире не может обойтись без такого органа военного управления, как Генштаб. В годы Второй мировой войны во главе генеральных штабов Советского Союза и гитлеровской Германии соответственно стояли такие профессионалы военного дела, как Борис Шапошников и Франц Гальдер. Под их непосредственным руководством разрабатывались планы ключевых кампаний и сражений. При этом диктаторы скорее по необходимости терпели их, нежели действительно прислушивались к их мнению.

Шапошников и Гальдера сложно назвать безоговорочно образцовыми «слугами режима». «Социально чуждый» по своему происхождению, к тому же еще и бывший старший офицер Русской императорской армии, Шапошников со своим интеллектуальным уровнем и приверженностью классическим методам военного искусства явно выделялся на фоне коллег. Лишь везение спасло его от репрессий.

Типичный представитель военной аристократии Гальдер вовсе не скрывал своего презрительного отношения к нацистам, постоянно оспаривал «полководческие таланты» фюрера и в итоге оказался в концлагере.

В свою очередь, Сталин и Гитлер демонстрировали полное пренебрежение своим начальникам генштабов, что в конечном итоге влекло за собой серьезные ошибки и тяжелые потери на фронтах.

из архива авторов

Начальник генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха
генерал-полковник Франц Гальдер

RU.WIKIPEDIA.ORG

Начальник генерального штаба РККА
Маршал Борис Михайлович Шапошников

Война интеллектов

Шапошников и Гальдер были противниками. Но их судьбы имеют немало общего, тем более что как первый, так и второй были, безусловно, одаренными людьми, а их деятельность до сих пор изучается в военно-учебных заведениях.

Красный штабист

В отличие от подавляющего большинства прославленных советских военачальников Борис Михайлович Шапошников не мог похвастаться ни пролетарским, ни крестьянским происхождением. Он родился 2 октября 1882 года на Урале, в городе Златоусте, в незнатной, но вполне обеспеченной семье управляющего винокуренным заводом и учительницы начальной школы. Предки Шапошникова со стороны отца были выходцами из казачьего сословия. Семья владела двухэтажным домом в Златоусте, а дети имели возможность получить относительно неплохое для их положения образование. Однако по военной стезе пошел только Борис, причем до поступления в 1901 году в Московское Алексеевское пехотное училище он отучился в Красноуфимском промышленном и Пермском реальном училищах и год проработал в конторе винокуренного завода.

Пехотное училище Шапошников окончил в 1903 году по первому разряду, после чего был произведен в чин подпоручика и начал офицерскую службу в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне в Ташкенте. В 1907 году он выдержал сложные испытания при поступлении в Николаевскую академию Генерального штаба. Во время обучения (1907–1910) Борис Михайлович проявил «отличные успехи в науках» и по окончании был произведен в штабс-капитаны.

В написанных незадолго до смерти «Воспоминаниях о службе» военачальник подробно описал систему подготовки в академии, и охарактеризовал некоторых преподавателей: «Когда

БОРИС ШАПОШНИКОВ И ФРАНЦ ГАЛЬДЕР: ПРЕДАННЫЕ ДЕЛУ, ЧУЖДЫЕ РЕЖИМУ

вспыхнула мировая война, германское учение о войне, которое преподносил нам Незнамов (профессор, преподававший стратегию), пригодились всем молодым офицерам Генерального штаба. Если для генералов русской армии, воспитанных на стратегии Леера и Михневича, действия немцев в мировой войне были каким-то откровением, то для капитанов русского Генерального штаба они были не новы... На дополнительный курс переводились офицеры, которые предназначались для службы в Генеральном штабе». Интересно, что вместе с Шапошниковым на одном курсе учился будущий Чёрный Барон – один из лидеров Белого движения на юге России Пётр Николаевич Врангель.

Надо заметить, что за время учебы в столичных городах Шапошников сумел приобрести свойственный многим императорским офицерам лоск и интеллигентность (так, еще в Москве он стал заядлым театралом). В последующие, уже советские годы это скорее отягощало его жизнь, учитывая культурный уровень высшего большевистского военного – как, впрочем, и гражданского – руководства.

После окончания академии Шапошников продолжил воинскую службу в Ташкенте, командовал ротой. В 1912 году он был назначен старшим адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии в Ченстохове. С первых дней Первой мировой офицер находился на фронте. Поначалу он был адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии (Западный фронт), затем – помощником старшего адъютанта разведотдела штаба 12-й армии (Северо-Западный фронт), начальником штаба Отдельной сводной казачьей бригады и, наконец, командиром Мингрельского гренадерского полка. На этой должности он и встретил революционные события 1917 года. Будучи довольно популярным

среди своих подчиненных командиром, Борис Михайлович в ноябре 1917-го был избран солдатским комитетом начальником Кавказской гренадерской дивизии.

16 января 1918 года Шапошников из-за болезни оказался в госпитале и через два месяца демобилизовался. Однако весной того же года он вступил в Красную Армию, написав в своем ходатайстве о приеме на службу следующее: «Как бывший полковник Генерального штаба, я живо интересуюсь вопросом о создании новой армии и, как специалист, желал бы принять посильную помощь в этом серьезном деле».

Конечно, ни по происхождению, ни по предыдущей службе Борис Михайлович не мог считаться для большевиков «своим человеком». Однако новая власть отчаянно нуждалась в профессиональных военных кадрах. Ведь как писал Ленин, «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». До поры до времени «военспецы» благополучно служили в армии Страны Советов. Затем большинство из них сгинуло в лагерях. Судьба Шапошникова – счастливое исключение...

В годы Гражданской войны Борис Михайлович служил на разных штабных должностях. 22 марта 1918 года его назначили помощником начальника Оперативного управления штаба Высшего военного совета, затем – начальником разведывательного отдела Штаба Революционного Военного совета Республики. Весной 1919 года он занимал должность первого помощника начальника штаба наркома по военным и морским делам Украинской ССР. В августе того же года его назначили начальником Разведывательного отделения, а в октябре – начальником Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

Именно Шапошников, как крупный военный специалист, разрабатывал в годы Гражданской войны многие важнейшие планы кампаний, директивы и приказы, распоряжения фронтам и армиям. После окончания боевых действий он был назначен первым помощником начальника Штаба РККА. В дальнейшем он командовал войсками Ленинградского и Московского военных округов. Он стал инициатором разработки методики проведения войсковых учений и маневров с участием посредников и нейтральной связью. В последующем этот опыт был им внедрен во все военные округа.

Одновременно с этим Шапошников глубоко исследовал вопросы теории и практики военного искусства, службы штабов в период войны. Он, в частности, подготовил трехтомный фундаментальный труд «Мозг армии». Эта книга не только четко определяла место Генерального штаба в системе стратегического руководства войсками, его структуру, порядок организации его работы, но и перечисляла требования, которые предъявлялись современными войнами к органам оперативного управления и их работникам.

В октябре 1930 года решением ЦК ВКП(б) Шапошников был принят в партию без прохождения кандидатского стажа. С 1932 по 1935 год он был начальником, военным комиссаром и профессором Военной академии имени М.В. Фрунзе. В июне 1935-го Шапошникову присвоили ученое звание профессора высших военно-учебных заведений, а в ноябре – звание командарма 1-го ранга. В том же году он был председателем военной комиссии на маневрах чехословацкой армии.

Два года Борис Михайлович был командующим войсками Ленинградского военного округа. 10 мая 1937 года

он был назначен начальником Генерального штаба РККА. В этот период он часто бывал в войсках и наблюдал за учениями. Благодаря своей феноменальной памяти Борис Михайлович мог, не пользуясь записями, провести разбор крупных и сложных учений или без карты заслушать доклад о боевой обстановке, наизусть помня расположение войск и важные особенности рельефа местности.

Шапошников стал одним из немногих бывших офицеров царской армии, кому удалось не только не попасть в жернова сталинских репрессий, но и к концу 1930-х заслужить почти полное доверие и расположение «вождя народов». Но цену за это пришлось заплатить немалую, выражая свою лояльность власти и поддерживая осуждение ее жертв. Так, в июне 1937 года Шапошников входил в состав Специального судебного присутствия, которое приговорило к смертной казни М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других.

Перед началом вторжения в Финляндию Генеральный штаб РККА проделал большую работу – был разработан подробный план боевых действий, предусматривавший быстрый разгром финской армии. Однако Сталин выбрал другой план, работу над которым вело командование Ленинградского военного округа – в частности, заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга Г. И. Кулик и армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис. Согласно этому плану, 7-я армия под командованием командарма 2-го ранга К. А. Мерецкова должна была за две недели прорвать «линию Маннергейма» на Карельском перешейке и разгромить главные силы финской армии. После того как попытка реализовать этот план провалилась, что стоило жизни тысячам советских воинов и обернулось падением престижа Красной Армии на международной арене, в конце декабря 1939 года «маленькая победоносная война» была приостановлена и Сталин вернулся к плану, разработанному под руководством Шапошникова.

В декабре 1939-го Борис Михайлович был награжден орденом Ленина за успешную работу по руководству оперативной деятельностью Красной Армии, а 7 мая 1940 года ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Вскоре в советской военной элите по приказу Сталина начались перемены. В августе 1940 года Шапошников был назначен на должность заместителя народного комиссара обороны СССР по сооружению укрепленных районов. После того как СССР присоединил страны Прибалтики, западные области Украины, Белоруссии и Бессарабию, прежняя оборонительная «линия Сталина» потеряла свое военное значение. Рубеж обороны был перемещен на 300 км западнее, где и возникла «линия Молотова», простиравшаяся от Балтийского моря до Карпат и состоявшая из 13 укрепрайонов. Но к началу германского вторжения было завершено строительство только 880 из 5807 долговременных оборонительных сооружений. Готовность укрепленных районов к обороне составляла порядка 20 процентов.

Шапошников был одним из главных авторов глубоко аргументированного оперативного плана стратегического развертывания советских Вооруженных сил на случай войны с Третьим рейхом. Он утверждал, что основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно и наиболее вероятным является вариант ее действий с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан. Поэтому маршал предлагал развернуть главные советские силы в полосу от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участке Северо-Западного и Западного фронтов. Второй вариант, предусматривавший сосредоточение основных сил Германии к югу от Полесья, считался менее вероятным, и поэтому безопасность южного направления должны были обеспечить два советских фронта, но с меньшим, чем в первом варианте, количеством сил и средств.

Кроме того, Шапошников предлагал основные силы западных пограничных округов держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов, а в присоединенных областях Западной Белоруссии и Украины, а также в Прибалтике выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения. Однако с этим разумным мнением опытного военачальника тогда не посчитались, что и привело войска Красной Армии к катастрофическим последствиям в первые месяцы войны.

«Генерал Божией Матери»

Франц Юлиус Гальдер родился 30 июня 1884 года в Вюрцбурге. Из поколения в поколение отпрыски семьи Гальдеров, происходившей из швабской местности Альгой, выбирали своей профессией солдатское ремесло и служили правящей в Баварии династии Виттельсбахов. Некоторые представители рода Гальдеров получили личное дворянство, а отец Франца, Максимилиан Антон Гальдер, закончил военную службу в чине генерал-майора и коменданта крепости Гермерсхайм. Сам Франц был вторым ребенком в семье Максимилиана Гальдера и его жены Матильды и по традиции также выбрал для себя путь профессионального военного.

Хотя предки Гальдера по отцовской линии были католиками, самого Франца окрестили, следуя религии его матери, в евангелическо-лютеранской вере, которой будущий генерал не изменил до конца своей жизни.

Ввиду хорошей подготовки Франц был принят сразу во второй класс протестантской школы, а осенью 1893 года он перешел в королевскую гимназию короля Людвиг, где оставался до лета 1896 года. Затем он учился в классической гимназии святой Терезы в Мюнхене, которую окончил с отличным аттестатом.

30 июня 1902 года Гальдер поступил вольноопределяющимся в королевскую артиллерию Баварии. С марта 1903-го по февраль 1904 года Франц учился в королевской военной школе в Мюнхене, которую окончил с отличием. Наивысшую оценку «превосходно» он получил по предмету «командование». 9 марта 1904 года Гальдера произвели в чин лейтенанта и в качестве «наивысшего поощрения» назначили сверх штата на должность офицера в 3-й полк полевой артиллерии.

С октября 1906-го по июль 1907 года Франц учился в инженерно-артиллерийской школе в Мюнхене. По результатам выпускных экзаменов Гальдер был третьим среди 26 офицеров. 1 октября 1911 года его командировали в баварскую военную академию. Как и Шапошников, Гальдер окончил академию еще до начала Первой мировой войны. Он с блестящими результатами и оценками сдал выпускные экзамены. Ему была присвоена особая квалификация для службы в высших штабах и в генеральном штабе.

С началом Великой войны Гальдер служил офицером-ординарцем, потом вторым и первым офицером Генерального штаба при группе армий кронпринца Руппрехта Баварского. Гальдер участвовал в многочисленных боях и сражениях. Он воевал в Лотарингии, у Нанси-Эпиналя, между Маасом и Мозелем, участвовал во взятии форта «Камп де Роман» и в других битвах – при Вердене, в Арагонском лесу, на Сомме, в позиционной войне в Тироле и Фландрии и, наконец, на линии «Зигфрид», где он пережил танковое сражение при Камбре.

Личные наблюдения и опыт убийственной позиционной войны значительно повлияли на представления Гальдера о военном искусстве и его взгляды на современное руководство операциями и войсками. Прежде всего это сказалось на его требованиях быстрого, маневренного ведения войны с поисками решения, что он и поощрял в последующие годы как инструктор и руководитель больших маневров рейхсвера и вермахта, а потом во время Второй мировой войны практиковал как начальник Генерального штаба.

За время Первой мировой войны Гальдер был награжден Железным крестом I

и II классов, многочисленными баварскими, прусскими, саксонскими и австрийскими орденами и знаками отличия. Несмотря на падение монархии в Германии, Гальдера, как блестящего специалиста, оставили в армии. В 1923–1924 годах он командовал батареей 7-го артиллерийского полка, потом получил назначение в штаб 7-го военного округа. Так же как и Шапошников, Гальдер занимался преподавательской деятельностью – проводил с офицерским составом занятия по тактике. Кроме того, с советским военачальником его также объединяет и то, что в рамках своих служебных обязанностей Гальдер постоянно участвовал в учениях военных округов.

В августе 1931 года Гальдера перевели на должность начальника штаба 6-го военного округа. В октябре 1934-го он был назначен командующим артиллерией 7-й дивизии, а через год стал командиром этой дивизии. С февраля 1938 года Гальдер, получивший к тому моменту звание генерала артиллерии, выполнял обязанности обер-квартирмейстера Генерального штаба сухопутных войск. Наконец, 27 августа 1938 года Гальдера назначили на должность начальника Генерального штаба.

Карьерный рост Гальдера пришелся на тот период, когда к власти в Германии пришли нацисты. Гитлер, сделавший ставку на создание мощных вооруженных сил, был вынужден пойти на союз с немецкими военными, зная при этом, что далеко не все они разделяют его идеологию. Гальдер как раз относился к числу офицеров-аристократов, которые с отвращением смотрели на методы НСДАП. Однако, несмотря на это, он, как и его высшие начальники, должен был смириться.

Что, впрочем, не избавило генерала от столкновений и трений со стороны партийной элиты. Так, когда Гальдера назначили начальником Генштаба, рейхсфюрер СС Гиммлер принял всячески принижать его деятельность в годы Первой мировой войны и издевательски окрестил «генералом Божьей Матери». При этом, по собственному признанию военачальника, он никогда не был «ходоком в церковь».

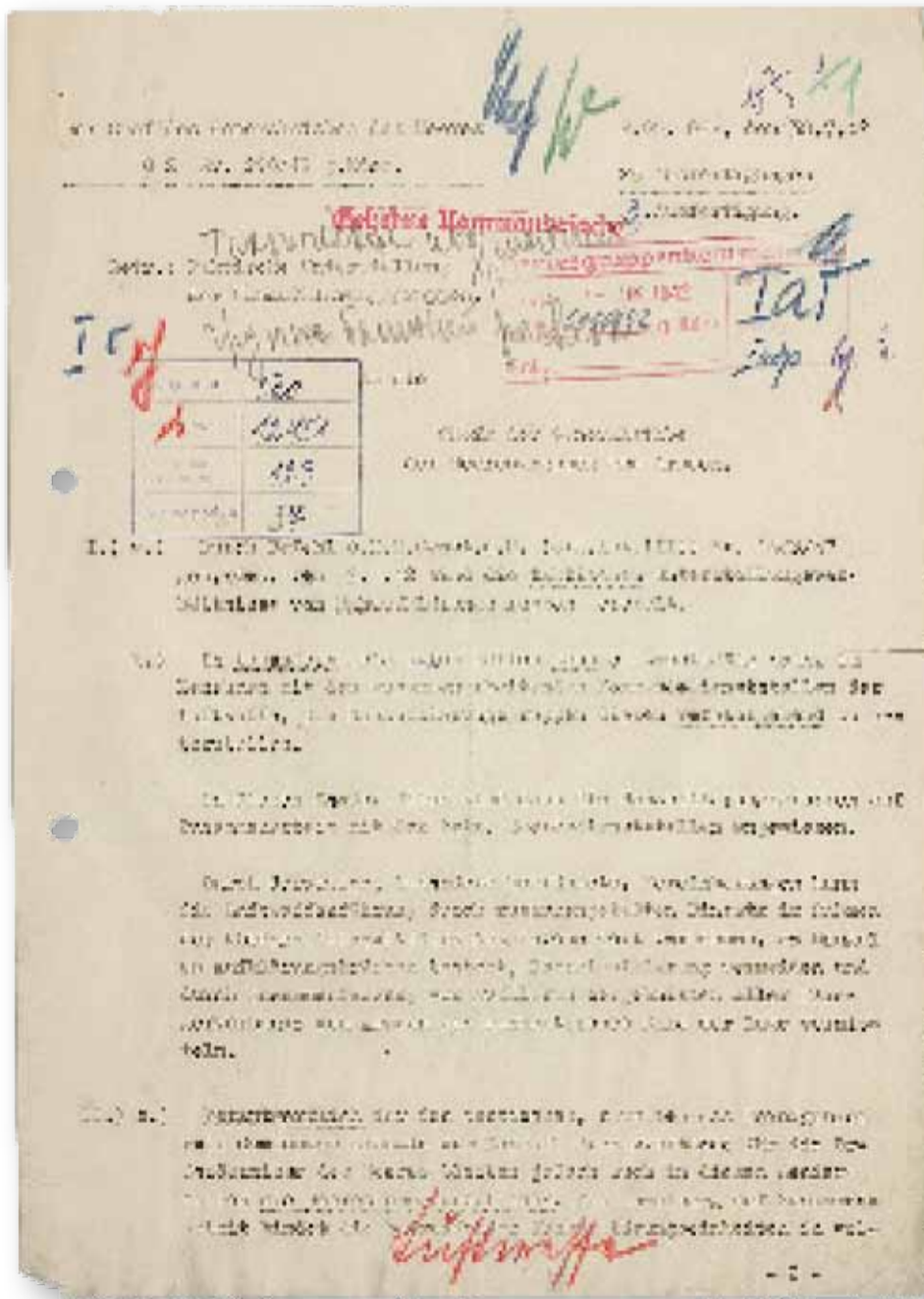
Новый начальник Генштаба был противником развязывания войны, но все равно предпочел «подчиняться». В итоге Гальдер завоевал уважение Гитлера тем, что спланировал и успешно провел кампании против Польши и Франции, в результате чего 19 июня 1940 года фюрер торжественно присвоил ему звание генерал-полковника. Именно Гальдер председательствовал на совещаниях, посвященных окончательной шлифовке плана «Барбаросса» по вторжению в Советский Союз.

Более того, Гальдер – по крайней мере внешне – разделял мнение Гитлера о том, какими методами надо вести войну на Востоке. Он, в частности, согласился с тем, что в этом походе войска должны до конца вести «мировоззренческую борьбу», истреблять коммунистов, комиссаров и евреев. В этом, без сомнения, заключается соучастие Гальдера в преступлениях нацистов. Поэтому ко всем его послевоенным заявлениям о том, что он якобы «держался в стороне», нужно подходить с осторожностью.

Принимая постоянное участие в разработке и осуществлении важнейших стратегических решений немецкого командования, Гальдер имел возможность обозревать сразу всю картину военных действий и сопутствующих им событий. При этом он собственноручно вел подробный дневник, в котором каждый день педантично фиксировал все происходящее – доклады генералов, сводки разведки, все обсуждаемые вопросы от подвоза боеприпасов до доставки фуража для лошадей. Также в дневник вносились краткие записи речей фюрера на совещаниях.

Рядом с вождями

С началом войны Германии против Советского Союза маршал Шапошников был включен в состав организованного при Ставке Главнокомандующего института постоянных советников. Затем в течение нескольких июньских дней он был начальником штаба главкома Западного направления. Вскоре Шапошников

Приказ начальника Генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдера по тактическому подчинению групп ближней разведки от 30.07.1942 г.

вернули на должность начальника Генерального штаба. Сталин предпочел использовать командный опыт Г. К. Жукова, занимавшего эту должность, непосредственно в войсках. Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование.

В первые дни войны Генеральный штаб не всегда точно знал обстановку на фронтах. Каждый вечер его генералы докладывали в Ставку о ходе боевых действий. Шапошникову приходилось переживать горькие минуты. Он часто брал на себя вину подчиненных за несвоевременную информацию.

Генеральный штаб во главе с Шапошниковым разрабатывал предложения (многие из которых, впрочем, так и не были учтены) по осуществлению Смоленского оборонительного сражения и контрнаступления под Москвой. Роль Шапошникова в планировании Московской наступательной операции трудно переоценить. В него маршал вложил весь свой полководческий талант и выдающиеся организаторские способности.

Тем временем Гальдер, который принимал активнейшее участие в разработке плана «Барбаросса», внимательно следил за обстановкой и тщательно фиксировал в своем дневнике победы немецкой военной машины. Поначалу Гальдер не сомневался в идее блицкрига и верил, что война будет выиграна очень быстро. Хотя вскоре появились признаки того, что не все так просто – и Красная Армия не так беспомощна, как ожидалось.

Иногда в дневнике начальника немецкого Генштаба появлялись поистине курьезные записи: «Во время боев с «ордами монголов», вклинившись в тыл 6-й армии, 168-я пехотная дивизия проявила полную несостоятельность. Необходима смена командного состава».

Оценивая происходящее на фронтах, Гальдер к середине июля 1941 года пришел к выводу, что «противник уже не в состоянии создать сплошной фронт, даже на наиболее важных направлениях. Формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии. Это особенно касается танковых соединений, в которых еще в мирное время ощущался значительный недостаток командиров, водителей и радистов, а также имущества связи».

Несмотря на регулярно повторяющиеся в первые месяцы войны записи о моральном превосходстве солдат вермахта, Гальдер тогда же отмечал: «Организация «штрафных батальонов» оказалась хорошей идеей», а вскоре он с такой же похвалой отзывался и о создании заградотрядов.

Вместе с тем, как и Шапошникову, чьи предложения не всегда принимались Сталиным, Гальдеру не удалось сразу убедить Гитлера развивать наступление на Москву. Только 6 сентября фюрер подписал директиву № 35, посвященную предстоящему осеннему наступлению на Восточном фронте, когда благоприятный момент для захвата советской столицы был уже упущен. Как опытный военачальник, Шапошников вполне воспользовался стратегической ошибкой немецкого диктатора и сумел разработать план, позволивший прервать победное шествие вермахта. Гитлер, однако, был уверен, что Красная Армия, противостоящая группе армий «Центр», будет «решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении».

Операцию по захвату Москвы германские военные называли «Тайфун». Ее разработкой занимался командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. Гальдер одобрил план операции и внимательно следил за ее проведением. Как и ранее, он по инерции продолжал отмечать в своем дневнике: войска продвигаются. Противник пытается организовать контратаки, которые не составляют труда отбить.

Но 29 ноября командующий группой армий «Центр» поставил вопрос перед

командованием сухопутных войск о приостановке немецкого наступления под Москвой и переходе к обороне. В районе Ростова-на-Дону дела вермахта тоже шли не блестяще. В немецких верхах уже начались поиски виноватых. Начали сгущаться тучи и над Гальдером. Генерал-фельдмаршал Кейтель вспоминал: «Перспективы плодотворного сотрудничества фюрера и ОКХ вызвали самую серьезную озабоченность – с некоторых пор лично я больше не верил в будущность связки «Гитлер – Гальдер». В узком кругу фюрер часто высмеивал своего начальника Генштаба, представляя Гальдера человеком недалеким и поверхностным. Не драматизируя эту не лучшую из привычек фюрера – превращать отсутствующего субъекта в объект злых насмешек, повторюсь: вряд ли эта упряжка была в состоянии потянуть тяжелый воз военных проблем».

25 декабря 1941 года Гальдер назвал одним из самых тяжелых дней для группы армий «Центр». Безусловно, это была высокая оценка той кропотливой работы, которую провел Шапошников. К началу 1942 года части Красной Армии отбросили противника на 100–250 километров от столицы. В эти дни Гальдер, вероятно, испытывал настоящее потрясение. Его заметки, особенно января 1942-го, передают весьма нервную картину, сложившуюся в военно-политическом руководстве рейха. 13 января 1942 года он пишет: «По сообщению фон Клюге, для того чтобы его войска смогли выйти из боя под Ржевом, необходимо начать отход. Фюрер хотя и признает необходимость отхода, однако никакого решения не принимает. Подобное руководство ведет к уничтожению сухопутной армии. Фон Леиб просит освободить его от должности. Генерал-полковник Штраус тоже больше не может оставаться на прежнем месте. У Рейхенау приступ паралича».

Неудачи, которые постигли Красную Армию после стремительного наступления под Москвой, в полной мере являются ошибками Сталина, а не Шапошникова.

Как известно, ситуацию около Ржева немцам удалось переломить в свою пользу, результатом чего стало затяжное и кровопролитное сражение за Ржевский выступ. А в мае 1942 года Красной Армии фатально не повезло – наступление на Харьков обернулось прорывом войск фон Клейста, окружением и потерей значительных сил. Впрочем, наученный горьким опытом Гальдер уже не писал о подавляющем превосходстве и гарантированно легкой победе.

Неудачи, которые постигли Красную Армию после стремительного наступления под Москвой, в полной мере являются ошибками Сталина, а не Шапошникова. «Отец народов», переоценивший силы Красной Армии и недооценивший военную мощь Германии после Московского наступления, решил, не слушая ничьих советов, провести наступательные операции на большей части советско-германского фронта. Проведя анализ ситуации и реальных возможностей СССР, Генеральный штаб предложил Верховному главнокомандующему сначала перейти к активной стратегической обороне, чтобы измотать врага, и только потом, накопив резервы, перейти в масштабное наступление. Но в данном случае Сталин к мнению маршала Шапошникова не прислушался, что привело к неоправданному человеческим жертвам.

11 мая 1942 года Борис Михайлович, болевший туберкулезом, попросил об освобождении по состоянию здоровья с поста начальника Генштаба. Просьба была удовлетворена, он был переведен на должность заместителя наркома обороны СССР. Новым начальником Гене-

рального штаба стал ученик Шапошникова – будущий маршал А. М. Василевский.

При этом Сталин все же достаточно высоко оценивал стратегический талант и знания Шапошникова. Поэтому последнего неоднократно приглашали в Ставку и на заседания Государственного комитета обороны. В июне 1943 года Борис Михайлович стал начальником Военной академии Генерального штаба. Через три месяца решением Политбюро ЦК партии он был утвержден членом Комиссии по вопросам перемирия (впоследствии Комиссии по перемирию с Германией и Комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией).

Гальдер, как и Шапошников, был вынужден оставить военный олимп и покинул Генштаб. Правда, произошло это в конце сентября 1942 года. С середины июля до конца ноября 1942-го штаб-квартира фюрера и Верховное главнокомандование сухопутных войск временно базировались под Винницей, на Украине. Там, ввиду остановки наступления немецкой армии на Кавказе и под Сталинградом, произошли резкие стычки между Гитлером и Гальдером, который не хотел брать на себя ответственность за ошибочные решения коричневого диктатора. Перспектива решить исход войны против СССР в свою пользу к этому времени стала чрезвычайно маловероятной.

Гитлер отстранил от должности главнокомандующего немецкой группой армий «А» на Кавказском фронте генерал-фельдмаршала Листа и взял на себя дополнительное командование этой группой армий. «Козла отпущения» за резко обозначившийся провал нового наступления Гитлер нашел в лице начальника Генерального штаба. Карьера Гальдера в германской армии подошла к концу, как и восторженные сентенции в его адрес со стороны нацистской прессы. В последний раз германские газеты славословили Гальдера 14 июля

верждение верно, то возникает вопрос, почему он был так сильно озлоблен из-за своего увольнения, как неоднократно излагалось в послевоенных сообщениях. С другой стороны, вполне можно предположить, что в решении Гитлера в пользу наступления он видел путь к быстрой военной катастрофе.

Гальдер вернулся в Берлин и был формально переведен в «резерв фюрера». После медицинского обследования, ввиду крайнего утомления, ему назначили курс лечения в санатории «Штильбахгауз» под Оберстдорфом, где он находился до конца февраля 1943 года. В августе того же года Гальдер выехал из Берлина в Баварию, где жил в своем поместье в кругу семьи.

Вскоре за ним установило наблюдение гестапо. Сотрудники тайной полиции интересовали связи бывшего начальника Генштаба с оппозиционно настроенными офицерами. Служба безопасности Гиммлера оценивала его как «государственного врага». Министр пропаганды Йозеф Геббельс отметил 8 ноября 1943 года в своем дневнике, будто Гиммлер сообщил ему, что Гальдер принадлежит к кругу противников государства, который «через голову фюрера стремится установить связи с англичанами». Геббельс считал такого рода деятельность «дилетантской» и «неопасной», однако добавлял, что не следует «упускать это из виду».

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Гальдер был арестован гестапо по подозрению в участии в заговоре. Поначалу он содержался в тюрьме, а затем был переведен в концлагерь Дахау. Вероятно, судьба Гальдера в течение его девятимесячного заключения находилась непосредственно в руках Гитлера, и в суматохе последних месяцев войны не было принято окончательного решения. Гальдер и некоторые другие видные заключенные в конце войны чудом избежали смерти, так как Гиммлер приказал «не допускать их попадания в руки вра-

1942 года по случаю 40-летнего юбилея его службы в армии. Тогда его именовали «ближайшим и способнейшим сотрудником фюрера».

Не у дел

Объяснения между Гитлером и Гальдером протекали во враждебной и изматывающей нервы атмосфере. Так как Гальдер никогда не уступал и подчас резко критиковал оперативные планы Гитлера, разразился тяжелый кризис доверия. 24 сентября 1942 года Гитлер отправил Гальдера в отставку в возрасте 58 лет. Этот шаг диктатор мотивировал тем, что нервы обоих истощены, что Гальдер пессимист по натуре, «который всегда был только тормозом», так что дальнейшее сотрудничество не привело бы ни к чему хорошему.

Лишившийся всяких иллюзий Гальдер после долголетней деятельности в качестве начальника Генерального штаба понял, что попал в изоляцию. Не получил он поддержки и от своих товарищей-генералов. Он особенно остро переживал из-за того, что генерал-фельдмаршал Кейтель и другие генералы и офицеры в Верховном командовании вермахта позорно бросили его на произвол судьбы. Это привело к тому, что отставной генерал не стеснялся стал критиковать политику режима.

Ввиду явно видимого ожесточения и разочарования Гальдера остается открытым вопрос о том, действительно ли он, как утверждали впоследствии, намеренно спровоцировал свое увольнение, постоянно противореча Гитлеру, чтобы не быть больше ответственным за его руководство операциями. Если это у-

га» и «в случае неблагоприятного развития событий» – уничтожить. Только в силу быстрого освобождения Южного Тироля войсками союзников этот приказ не был выполнен, так что Гальдер благополучно пережил конец Третьего рейха в мае 1945-го.

После освобождения Гальдер выступал на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля. Свой знаменитый дневник, который бывший начальник немецкого Генштаба сумел спрятать от гестапо, он передал представителям американских военных органов. На расшифровку рукописи ушло два года. Впоследствии Гальдер работал экспертом и консультантом в историческом управлении армии США. Отставной генерал участвовал и в создании бундесвера. Скончался Франц Гальдер 2 апреля 1972 года в баварском городе Ашау.

Что касается Шапошникова, то тяжелейшие военные условия, связанные с большой ответственностью, и почти круглосуточная работа серьезно подорвали его здоровье. Он долго, но безуспешно лечился, а также писал мемуары. Кстати, в отличие от большинства советских полководцев он не пользовался при этом услугами редакторов и «литературных рабов». В своих воспоминаниях Борис Михайлович с явной теплотой отзывался о Русской императорской армии. В итоге мемуары маршала были опубликованы лишь через три десятилетия после его смерти.

Шапошников скончался 26 марта 1945 года, не дожив полутора месяцев до Победы и став единственным Маршалом Советского Союза, умершим в ходе Великой Отечественной войны.

Миссия невыполнима

**ПОЧЕМУ НЕМЦАМ НЕ УДАЛОСЬ ПРЕВРАТИТЬ ПРАВОСЛАВИЕ В ОРУДИЕ КОНТРОЛЯ НАД НАСЕЛЕНИЕМ
ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

■ Юрий МОИСЕЕНКО

Публикация 2015 года

Псковская православная миссия, открытая в 1941-м в Пскове с «благословения» немецкого командования, давно привлекает внимание как профессиональных историков, так и широкой публики. Деятельность религиозных организаций на оккупированных территориях – тема сложная и противоречивая. До сих пор идут споры: кем были эти священники: агентами гестапо, как уже после войны утверждали в известных органах, или... «новыми крестителями Руси», мучениками, которые понимали, что заранее обрекают себя на обвинения в пособничестве фашистам? Положение, в котором они тогда оказались, описывается известной кинематографической формулой «свой среди чужих – чужой среди своих». Так ли это на самом деле? Корреспондент «Совершенно секретно» попытался ответить на этот вопрос.

Сначала вспомним события лета 1941 года. Немецкие войска вошли в Псков 9 июля – через две недели после начала войны. Гитлеровцы считали город «ключом к воротам Ленинграда», поэтому придавали ему особое значение. Псков с его 50-тысячным населением был буквально наспичгован войсками. В нем разместился штаб командования Северного фронта, штаб абвера Северной группы войск, который контролировал деятельность контрразведки 16–18-й армий. Располагалась в городе и так называемая абверкоманда-304, которая занималась организацией диверсионной работы, подготовкой агентов, переброской их в глубокий советский тыл. Каких только мундиров не видели улицы города! Гитлеровцы, власовцы, эстонские и латышские фашисты с характерными нашивками на рукавах, белоленточники из отрядов самообороны «Омакайтсе», не говоря уже о полициях в полувоенной форме – общая численность гарнизона составляла порой до 20 тыс. человек. Понятно, что для мирных жителей места в оккупированном городе не было. За любую провинность новая власть наказывала смертью. Чтобы не быть голословным, предоставим слово свидетелям тех событий:

«В ночь с 8 на 9 июля город запылал со всех концов, – рассказывал уже после освобождения отец Иван (Иванов), один из тех, кто служил в Пскове. – В пламени погибли навсегда главные памятники Псковской древности: храмы Космодемьянский и Богоявления, что на Запсковье, Николы со Усохи и Вознесенский монастырь на Советской улице, Ивановский монастырь за Завеличье. Остальные храмы Пскова были заняты под склады, казармы или кино... Не лучшая участь выпала на долю людей, преданных своей Великой Родине. С первых же дней захвата города немцами по его улицам гоняли колонны голодных, полуодетых и почти босых наших военнопленных. Жуткую картину представляли эти несчастные страдальцы, двигающи-

Архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов)

ся, как тени, держащиеся друг за друга от истощения. Не лучше выглядели и мы – «свободные», когда видели своих братьев, умирающих от голода и не имеющие никакой возможности оказать им посильную помощь. Здесь же на улице их избивали палками или прикладами. Тех, кто пытался им помочь, среди бела дня на глазах всего народа расстреливали» (из уголовного (литерного) дела № 005/05 «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Псковской области». – Прим. ред.).

На войне атеистов нет

Страх, ужас и оцепенение овладели людьми. В этой связи вспоминается легендарный настоятель Печорского монастыря отец Алипий (в миру – Иван Михайлович Воронов), которому припи-

сывают поистине пророческие слова: на войне атеистов нет. Фронтовики, который на себе испытал все тяготы солдатской жизни, знал, что говорил. Не было их на передовой, не было их и в глубоком тылу, которым на четыре года стал Псков.

«Нет ничего удивительного, что люди в поисках утешения оборотились к церкви. И это при том, что до войны в области были закрыты все до единого храмы, – дает пояснения Константин Обозный, кандидат исторических наук (Псков). – Сравните: на момент Октябрьского переворота только в Пскове было 40 священников и 32 действующие церкви, а в Псковском уезде еще 52 священника и 40 храмов. Большевиками была осквернена и главная святыня города – Троицкий кафедральный собор: в нем власти устроили атеистический музей, где одним из главных экспона-

тов считался маятник Фуко. При этом из подвального храма-усыпальницы по команде партийных вождей были выброшены и поруганы останки псковских святителей и других именитых людей Пскова».

Совпадений в жизни не бывает, но первая служба в Троицком соборе прошла 17 августа – в тот самый день, когда в городе состоялась первая публичная казнь. Тогда были расстреляны 10 заложников, самому младшему из которых (Владимиру Архипову, школьнику) было всего 15 лет! Это была показательная месть новой власти за убийство солдата вермахта, которого нашли мертвым в канализационном люке. История сохранила для нас имя священника, который провёл то богослужение – отец Сергей (Ефимов). Любопытно вообще, как он оказался в городе. Человек пожилой,

«Немцы не препятствовали местному населению налаживать жизнь церковных общин – и этот момент принципиальный. Люди сами сбивали замки с закованных прежней властью храмов, несли в них уцелевшие и сохранные иконы, обращались к батюшкам, которых прежняя власть лишила приходов.»

► незадолго до начала войны он был арестован в Латвии. Вместе с отступающими из Прибалтики советскими войсками группу заключенных, среди которых находился и сам священник, этапировали в Псковскую область, в тюрьму города Острова. Откуда вместе с другими узниками он и был освобожден немецкой армией. Свою первую литургию по освящению храма на погосте Елина отец Сергей отслужил 14 августа 1941 года. Как потом вспоминал сам священник: к концу службы к церкви подъехал автомобиль с немецкими солдатами, которые без объяснений отвезли священника в Псков для совершения там богослужения. В этой связи уместен вопрос: неужели гитлеровцы на самом деле озаботились духовной жизнью народа и решили проявить заботу о восстановлении православия на оккупированных им территориях? Наш собеседник дает на этот вопрос категоричный ответ: нет.

«Немцы не препятствовали местному населению налаживать жизнь церковных общин – и этот момент принципиальный. Люди сами сбивали замки с заколоченных прежней властью храмов, несли в них уцелевшие и сохраненные иконы, обращались к батюшкам, которых прежняя власть лишила приходов, с просьбой начать служение, – продолжает пояснения Константин Обозный. – Командование оккупационных войск только наблюдало, не проявляя инициативы. Подтверждением сказанного можно считать и тот факт, что гитлеровцы долго не соглашались на открытие Псковской миссии. Объяснение тому было вполне логичное: инициативу в этом деле проявил экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский), откликнувшись на многочисленные обращения верующих. В первые дни оккупации Латвии он был арестован по навету некоторых представителей зарубежной православной церкви, которые считали его чуть ли не агентом Кремля. Однако потом немцы отпустили Сергея. Более того, с ведома Берлина были сохранены и экзархат, и его каноническая принадлежность к Московской (!) патриархии. Но все это новые власти гарантировали при условии, что экзарх создаст новое церковное управление под эгидой немецких властей. Таким церковным учреждением должна была стать «Православная миссия в освобожденных районах России».

Тут же следует напомнить, что для управления «новыми территориями» по указанию Гитлера был создан рейхскомиссариат «Остланд» (РКО). Руководить группой религиозной политики Министерства занятых восточных территорий был назначен Карл Розенфельд. Приехав в Прибалтику, он искренне удивился высокой степени религиозности населения на бывшей советской территории, хотя оно и было воспитано в атеизме. Этот фактор гитлеровцы и планировали использовать в своих далеко идущих целях. Они видели Псковскую православную миссию в качестве еще одной «шестеренки» в отлаженной машине управления новыми территориями. Если быть совсем точным – инструментом влияния и подавления.

Праведники...

Первые священники прибыли в Псков вечером 18 августа 1941 года. В основном это были выходцы из эмигрантской среды, где (не будем лукавить) не испытывали особых симпатий к большевизму. Это с одной стороны, а с другой – они ехали, чтобы помогать людям. К слову на это их ориентировал и сам митрополит Сергей. Напутствуя миссионеров, он повторял: «Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, обьясняя и указывая ему преимуществ и достоинства новой открывающейся для него жизни».

Первым был открыт для посещения Троицкий собор. Не прошло и недели, как в миссию начали обращаться ходоки из пригородных церквей, уже восстановленных силами верующих, с просьбой послужить у них в храмах. Потянулись и делегации из более отдаленных районов – они просили священников на приходы. Вест о том, что в Пскове открываются церкви и совершают богослужения, распространялась быстро, хотя миссия занимала огромную территорию от Пскова до Ленинграда, включая Остров, Порхов, Опочку, Гдов, Лугу и Гатчину. Возглавил ее протоирей Кирилл Заяц, который до переезда в Псков был настоятелем главного православного собора в Риге. Среди его сподвижников были также отец Георгий Бенигсен, протоирей Ливерий Воронов и другие. Миссионеры развернули поистине кипучую деятельность – в августе 1942-го на подконтрольной ей территории действовала уже 221 церковь. При этом в самой миссии действовало 84 священнослужителя. Оказалось, что мало. Поэтому местная газета «За Родину!» из номера в номер печатала объявления: требуются священники. Многочисленные свидетельства того времени рассказывают о переполненных храмах, куда порой не все верующие могли вместиться – «...все остальные сотни людей стояли во время богослужения у порога на паперти и вокруг». Силами

который отвлек внимание гитлеровцев от этих страшных похорон. Подтверждение подобного рода настроениям можно найти в мемуарах Георгия Бакусова, который в советское время возглавлял отдел агитации и пропаганды обкома партии. В 16 лет он ушел в партизанский отряд и позднее писал: «в основном священники миссии с состраданием относились к тяготам мирного населения».

Одновременно с требованиями миссия организовала благотворительную деятельность. Так, один из ее руководителей отец Георгий (Бенигсен) открыл при Дмитриевской церкви Пскова приют, где постоянно жили от 15 до 20 детей, оставшихся без родителей. Любопытная подробность: немецкие оккупационные власти по просьбе миссии выделяли для него дополнительные продовольственные карточки. Позже здесь была открыта и школа, которую посещали более 150 человек. Подобные детские учреждения работали и при Варлаамовской церкви. Действовали они и в регионе. Например, в Пушкиногорском районе стараниями миссионеров работало 17 школ, а в Красном городском – 15. Кроме того шел постоянный сбор пожертвований в пользу военнопленных, больных. И не только... Священники вели службу и за колючей проволокой.

«Человек 300 военнопленных, по личному желанию, наполнили наш храм... –

«Лояльное отношение оккупационных властей к Русской православной церкви постепенно менялось, – комментирует ситуацию Константин Обозный. – Немцев начал пугать невиданный размах миссионерской работы и главное – ее плоды: сплочение русских людей под покровом Церкви, их твердость, мужество и вера. На это «новые хозяева» никак не рассчитывали».

миссии выпускался даже свой журнал «Православный христианин» тиражом до 30 тыс. экземпляров. Одновременно возникла и специфическая для подобного рода деятельности инфраструктура: открылся свечной завод, иконописная мастерская, где было занято постоянно до 20 человек. Среди них были живописцы, золототшвейки, резчики по дереву и столяры. Нашлись даже умельцы, которые изготавливали нательные крестики из советских монет. В церковной лавке миссии они освящались сотнями и нарасхват раскупались прихожанами. Вообще, потребность в духовном утешении на самом деле была велика. По воспоминаниям отца Алексея (Ионова), который служил в Острове, «в воскресный день служба начиналась в 7 часов утра и заканчивалась для настоятеля едва ли не вечером – в 4 часа дня»; «сразу же за одной литургией приобщались Святейших Тайн от 500 до 800 человек... Крестили до 80 младенцев одновременно, совершали по 10 погребений. Венчали по три-пять пар...»

По отчетам другого миссионера, отца Владимира (Толстоухова), который служил в округе, охватывающем города Новоржев, Опочку и Пушкинские Горы, «с августа по декабрь 1941 года было совершено свыше 2 тысяч погребений с заочными проводами», что говорит о высокой смертности населения. Причем зачастую она была насильственной. Способны ли были святые отцы оставаться равнодушными к народному горю? В воспоминаниях отца Алексея (Ионова) сохранилось свидетельство об отпевании заживо сожженной немцами русской семьи. При большом стечении народа он произнес проповедь, которую закончил такими словами: «Если мы будем молчать об этих преступлениях, камни будут вопиять к небу! С такой Европой нам не по пути!». О подобном «вольномыслии» сразу стало известно в гестапо, но от ареста священника спас... массированный налет на город советской авиации,

вспоминает отец Алексей. – С каким волнением я его совершал! Я произнес слово, в котором убеждал их не падать духом, помнить, что их матери молятся о них... При упоминании о матерях у многих на глазах показались слезы. Со слезами на глазах слушали военнопленные и радостные пасхальные песнопения...»

При этом нередко были случаи, когда еду и вещи, собранные для узников, гитлеровцы отбирали и отправляли на фронт. Особенно это было часто, когда они терпели военные поражения. Тем не менее фашисты не оставляли попыток превратить миссию в свой инструмент воздействия на людей.

...или агенты

Согласно этим планам, православная церковь должна была стать одним из рычагов влияния. И тут пропагандистская война шла по всем фронтам. По городам и весям организовывались разного рода «педагогические курсы», которые обязывали посещать не только учителей, но и остальную интеллигенцию (например, врачей), которые по мысли немецкого командования могли оказывать влияние на население. Один из таких кружков (назовем его пока так), в частности, был создан в 1943 году в самом Пскове. Он располагался в центре города и, судя по спискам, его посещали учителя близлежащих районов – всего 120 человек. В течение двух месяцев они должны были прослушать курсы лекций на темы «Русские поэты-жертвы большевизма», «Критика советской Конституции», «Современная Германия». В числе «бойцов идеологического фронта» были в основном эмигранты, члены так называемого Народно-трудового союза. Факты, как говорится, упрямая вещь, потому что в этой войне принимали участие и представители церкви. Так, в ноябре 1942 года в городе Дно (один из районных центров. – Прим. ред.) был про-

веден съезд духовенства. В частности, священник Рушанов говорил, обращаясь к его участникам: «При советской власти по всей России церковная жизнь была разрушена, теперь пришла освободительница русского народа – немецкая армия, которая проявляет заботу об открытии храмов» (уголовное (литерное) дело № 005/05 «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Псковской области». – Прим. ред.).

Следует добавить, что в годы оккупации в городе Дно был открыт Дом просветителей, где проводились курсы пропагандистов, немецкого языка, семинары волостного начальства. Всем этим руководил зондерфюрер Блюм. В его ведении находилась и пресса (газета «За Родину»), а также выпуск книг и брошюр пропагандистского содержания. В самом городе располагался и Дновско-Порховский церковный совет, во главе которого стоял уже упоминавшийся выше отец Василий (Рушанов), получивший церковное образование в Париже. После него был прислан другой священник. Подобные пропагандистские курсы были организованы и в Гдовском районе, где действовал религиозно-исторический кружок, занятия которого проходили, как правило, на квартире священника Афанасьевской церкви отца Родиона. По некоторым данным,

деятельность этого кружка была тесно связана с местным отделением гестапо. Подобная работа велась и в Дедовичском районе. Как позже отмечали многочисленные свидетели, именно в церквях был оглашен гитлеровский закон «О земле», не говоря уже о том, что всякое богослужение заканчивалось восхвалением фашистского строя. И тут возникает вполне закономерный вопрос: насколько были искренни миссионеры? Был ли это обязательный в условиях оккупации реверанс новым властям или искренняя позиция приезжих миссионеров? Трудно дать на него однозначный ответ, хотя бы потому что немцы, слушая дежурные панегирики в своей адрес, сомневались в том, что деятельность миссии идет им во благо.

«Лояльное отношение оккупационных властей к Русской православной церкви постепенно менялось, – комментирует ситуацию Константин Обозный. – Немцев начал пугать невиданный размах миссионерской работы и главное – ее плоды: сплочение русских людей под покровом Церкви, их твердость, мужество и вера. На это «новые хозяева» никак не рассчитывали: миссия не стала орудием контроля над русскими людьми, но, напротив, возвращая их к Церкви, укрепляла и поддерживала в страшных условиях оккупации. К тому же митрополит Сергей и вообще деятели миссии, начиная работу в Пскове, по отношению к немцам руководствовались принципом «из двух зол выбирай меньшее». А то, что немцы – зло, никто не сомневался».

Последнее утверждение не голословно. В этой связи стоит вспомнить, как немцы в пропагандистских целях устроили торжественную передачу Псковскому кафедральному собору Тихвинской иконы Божией Матери, привезенную из Новгорода. Все происходило на соборной площади при стечении всех православных города Пскова. Церемония началась вступительным словом отца Георгия Бенигсена, который часть

Псковский священник Фёдор Пузанов со своими прихожанами у церкви. 1943 год

своего выступления (скорее всего, не без умысла) посвятил подвигу князя Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия, в том числе и от немецких рыцарей из Тевтонского ордена. И все-таки, священники ходили, что называется, по краю. Недаром после благословения экзархом многие из тех, кто уезжал служить в миссии, прощались со своими родными и близкими навсегда. Часто святые отцы становились жертвами не только фашистов, но и партизан. Так, в феврале 1944 года был расстрелян Николай Стефаносов, который служил в Высоцкой и Красногорской церквях Дедовического района. Погиб от партизанской пули отец Василий (Рушанов). И таких было немало. Так кем же они на самом деле были: праведниками

в борьбе с фашистами, превыше всего ставя интересы России и ее народа, – продолжает Валерий Павлов. – К слову, давал понять свое истинное отношение к оккупантам и сам экзарх Сергей. Один из его миссионерских визитов в Псков совпал с пребыванием в городе генерала Власова. Чествование предателя должно было проходить в драматическом театре. В адрес миссии было направлено несколько пригласительных билетов. В том числе и специально для митрополита. Однако Сергей под предлогом болезни не пошел, а отправил вместе себя какого-то малозаметного чиновника. Не было на этом ритуальном ристалище и руководства миссии. Из истории хорошо известно, что даже в Печорском монастыре находили приют партизаны – они скрывались в зна-

1944 года в деревне Заозерье Новолокского с/совета эсэсовцами безо всяких разговоров был расстрелян настоятель местной церкви отец Николай (Воробьев) (*уголовное (литерное) дело № 005/05 «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Псковской области»*. – *Прим. ред.*) И все это происходило на фоне массовых репрессий. Вот лишь некоторые факты из этой печальной хроники:

– 5 декабря 1943 года 16 жителей деревни Добрывидки были заперты в помещении сельской церкви. Всех, кто пытался выбраться, расстреливали, а потом здание забросали гранатами. В числе погибших в деревенской церкви были: Алексей Степанов (70 лет), его жена – Ме-

В том числе Федоровы Валя (7 лет) и Коля (2 года) вместе с матерью, Антиповы Гая (3 года) и Нина (1 год) вместе с их матерью Евдокией Антиповой, и другие;

– в декабре 1943 года была сожжена деревня Голованово, при этом расстреляно 5 мирных жителей, среди которых Каштановы Анатолий (6 лет) и Алексей (3 года);

– 22 октября 1943 года была уничтожена деревня Ланева Гора Псковского района вместе с ее жителями. При этом погибло в огне и расстреляно 65 человек. В том числе 3 грудных ребенка и 29 детей в возрасте до 14 лет.

Всего же только в Псковском районе из 406 деревень полностью сожжено и сметено с лица земли 325 деревень. В их числе – Загорье, Подгорье, Скомоорова Гора, Ильишки, Туриново, Пестово, Кустовино, Павлово и другие.

Необходимое послесловие

С сожалением, но следует признать, что окончание истории Псковской миссии стало поистине трагическим. В 1944 году при невыясненных обстоятельствах погиб сам митрополит Сергей. По одной из версий, засаду на его кортеж устроили гитлеровцы, которым уже начал мешать этот дерзкий «московит». Нельзя исключать и то, что это могла быть диверсия, спланированная НКВД. Также нападение могли организовать так называемые лесные братья – все ведь происходило на территории Литвы. Сразу после освобождения практически все ее члены были арестованы. По словам Константина Обозного, который изучал в том числе и это дело, следователи добивались от священников признательных показаний о том, что они являлись агентами гестапо: «Был даже такой случай: одного из миссионеров во время ночного допроса заставили написать список завербованных им агентов. И его он его написал, включив в него всех людей, которых когда-то сам... отпевал».

Впрочем, это всего лишь один, но многозначительный штрих к общей картине, потому что суды тогда были скорые, а приговоры суровые. Руководитель миссии Кирилл Заяц получил двадцать лет лишения свободы и через четыре года умер в казахстанском лагере. Начальник канцелярии протоиерей Николай Жунда также получил 20 лет и скончался от туберкулеза в Красноярском крае. Печерский епископ Пётр Пяхкель тоже сгинул в лагерях. Впрочем, некоторые из них смогли вернуться из заточения. Протоиерей Николай Шенрок, получив 20 лет, был освобожден через 11 лет из того же казахстанского лагеря, в котором скончался Кирилл Заяц. Вернулся из лагеря протоиерей Сергей Ефимов. Священник Иаков Начис, получив 10 лет лагерей и отбыв их от звонка до звонка, служил потом в единственном действующем православном храме в Республике Коми.

Многие из священников Псковской православной миссии при наступлении советских войск эмигрировали и окончили дни свои за границей. Такова судьба протоиереев Георгия Бенигсена, Алексия Ионова, Владимира Толстоухова, Иоанна Лёгкого и других.

И последнее... Среди членов Псковской православной миссии был тогда еще молодой священник отец Николай Гурьянов. Его лично рукополагал митрополит Сергей Воскресенский. В дальнейшем отец Николай более 40 лет служил на острове Залит, что на Псковско-Чудском озере, где уже при жизни его почитали как святого. В последние годы среди его духовных чад были не только местные жители, но и люди известные. В их числе бывший прокурор России Устинов, артистка Валентина Толкунова. Несколько раз видели, как на остров приезжала и бывшая супруга президента страны. Впрочем, это уже совсем другая история...

Сразу после освобождения практически все ее члены были арестованы. Следователи добивались от священников признательных показаний о том, что они являлись агентами гестапо: «Был даже такой случай: одного из миссионеров во время ночного допроса заставили написать список завербованных им агентов. И его он его написал, включив в него всех людей, которых когда-то сам... отпевал».

или агентами? По словам председателя Псковской областной общественной палаты Валерия Павлова, который немало времени посвятил исследованию партизанского движения на территории региона, «время тогда было такое, что жизнь ломала людей через колено».

«Кто-то из миссионеров не скрывал своего враждебного отношения к советской власти, но были и такие, которые молились за победу русского оружия

менитых пещерах «Богом сданных». Понятно, что оккупанты отвечали на это террором».

Подтверждает сказанное цитата из дела (к сожалению, до сих пор совершенно секретного) о расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков на псковской земле. Гитлеровские головорезы вымещали свою злобу не только на мирных жителях, но и на священниках. Так, 13 февраля

ланья (75 лет), Матвей Иванов (80 лет), Степанова Екатерина и двое ее детей. Всего в тот день в деревне погибло 28 человек;

– в ноябре 1943 года была сожжена деревня Лихово... Уцелевшие жители начали строить землянки, чтобы укрыться от зимних холодов, однако в январе 1944 туда же прибыл этот же немецкий отряд. При этом было расстреляно 15 человек.

■ Максим АРТЕМЬЕВ

Публикация 2015 года

В ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года линию советско-германского фронта около Ростова-на-Дону пересек в восточном направлении трехмоторный самолет. Через двенадцать часов он уже пролетал над советско-китайской границей между Алтаем и хребтом Тарбагатай. В это же самое время в Риме Бенито Муссолини нетерпеливо поглядывал на телефонный аппарат в ожидании звонка от главкома итальянских ВВС Рино Корсо Фуджьера...

Осеевая

КАК ФАШИСТСКИЕ ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ НАЛАЖИВАЛИ СЕКРЕТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ С ЯПОНИЕЙ

Японские чиновники стоят вместе с экипажем SM.75 GA во время их визита в июле 1942 года в Восточную Азию

Вступление в войну против СССР Германией и Италией прервало их непосредственные контакты с третьей участницей «стального пакта» – Японией. Ситуация усугубилась после нападения японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года. Восточная союзница оказалась полностью отрезанной от стран Оси. Между тем настоятельно требовалась координация между Токио, Берлином и Римом, обмен военными технологиями и поставка дефицитного сырья. Решению этой задачи были посвящены усилия летчиков и моряков трех сторон на протяжении трех лет.

Первыми попытку предприняли итальянцы. В начале 1942-го их верховное командование заподозрило, что союзники (англичане и американцы) взломали дипломатический шифр, с помощью которого осуществлялось радиосообщение с посольством в Токио. Для защиты секретов требовалось передать новые коды – но как это сделать, когда Италию и Японию разделяло несколько тысяч километров, контролировавшихся противником?

Под огнем советских зениток

Трудная миссия была поручена Королевским ВВС (Regia Aeronautica). Их летчики располагали транспортно-пассажирским самолетом Savoia-Marchetti SM.75, который было решено переоборудовать для сверхдальних полетов. Итальянцы в период между мировыми войнами уделяли особое внимание авиации – сам дуче, его сын Бруно и зять Галеаццо Чиано, многие вожди фашизма увлекались вождением самолетов. Вскоре после вступления в войну итальянские ВВС совершили эф-

фектный рейд на британские нефтепромыслы в Бахрейне, для чего летчикам пришлось пролететь около 4000 км. Но нынешняя задача превосходила своей сложностью все предыдущие. Предстояло преодолеть более восьми тысяч километров, причем большая часть из них пролегалa над территорией СССР, над горными и пустынными местностями, для которых не существовало надежных карт.

Пробный полет модернизированного SM.75 GA состоялся в мае 1942-го в Эритрею, бывшую итальянскую колонию, к тому времени оккупированную британцами. Самолет сбросил над столицей Асмарой пропагандистские листовки («Рим вас не забыл! Мы вернемся!») и вернулся на «сапожок». Но через пару дней машина во время перелета с базы на базу разбилась, и пришлось экстренно изготавливать второй SM.75 GA.

29 июня он перелетел на аэродром в Запорожье, откуда и стартовал вечером следующего дня, чтобы снизить риск обнаружения при пересечении фронта. На его борту находилось пять членов экипажа и несколько запечатанных конвертов с документами высшей степени секретности – новые шифры и морские навигационные карты. Никаких сопроводительных документов, свидетельствующих, что SM.75 GA направляется в Японию, не было. Токио поставил это первым условием, дабы не провоцировать СССР, с которым он был связан договором о нейтралитете. В случае экстренной посадки конверты следовало немедленно уничтожить, а летательный аппарат – жечь. В течение всего полета соблюдался режим радиомолчания. Самолет был заправлен топливом под завязку, так что

первую часть пути он летел не выше 800 метров и попал в лучи прожекторов советской ПВО, открывшей по нему огонь из зениток. Также его обстрелял истребитель «Як».

Итальянцы проследовали над дельтой Волги, Каспийским и Аральским морями, озером Балхаш, пролетев, таким образом, весь Казахстан. Перед горами Центральной Азии пришлось поднимать самолет на высоту пять километров, но оказалось, что запаса кислорода для дыхательных масок недостаточно, и летчикам пришлось бороться с удушьем. После Алтая началась пустыня Гоби, «белое пятно» на картах, над которой экипаж ориентировался по новому прибору ночной навигации капитана Маджини – одного из трех пилотов на борту. В пустыне в тот момент свирепствовала песчаная буря, поднимавшая непроницаемые тучи пыли на высоту три километра.

Геринг был в ярости

Первоначально предполагалось, что самолет приземлится в Токио, однако за два месяца до того состоялся знаменитый рейд Дулиттла на Японию, после которого были приняты повышенные меры безопасности, и японские истребители имели приказ сбивать любой самолет без национальной эмблемы – восходящего солнца. Поэтому SM.75 GA получил указание сесть на аэродром в Баотоу – на контролируемой японцами территории Китая. После 21 часа полета экипаж наконец-то смог размять ноги. К каждому итальянцу приставили двух гейш, а пока летчики отдыхали, на фюзеляж и крылья были нанесены изображения солнечного диска. 3 июля

SM.75 GA приземлился на аэродроме Тачикава возле Токио.

Через две недели самолет отправился в обратный путь по той же трассе с посадкой в Баотоу. Тысячи километров над Советским Союзом прошли без происшествий, однако при подлете к итальянской авиабазе в Сталино (ныне Донецк) радист не смог связаться с землей, и пришлось лететь до Одессы. А уже в аэропорту Гуидония под Римом самолет встречал лично Муссолини, который вручил экипажу высшие награды королевства.

Японцы настаивали на полной секретности миссии, однако уже через несколько дней после возвращения итальянские газеты написали о летчиках-героях. Официальный Токио был в бешенстве, опасаясь реакции Москвы, и приостановил программу авиасообщения с Римом. Разрабатывавшиеся позднее генералом Фуджьера маршруты полетов через Турцию, Иран и Афганистан так и остались планами – Италия стремительно скатывалась к своему поражению. Зато японцы в ответ на SM.75 GA разработали самолет Тачикава Ки-77, установивший во время испытаний мировой рекорд продолжительности полета – 57 часов. Но его единственная попытка прорваться к немцам закончилась провалом. Взлетевший 30 июня 1943 года из Сингапура самолет, направлявшийся в Крым, вскоре исчез над Индийским океаном. По всей вероятности, его сбили британцы, расколовшие секретные коды противника и прекрасно осведомленные о его планах.

Командующий Люфтваффе Герман Геринг, узнав о достижении итальянцев, пришел в ярость и орал на своих подчиненных: «Почему эти чертовы макароны смогли, а мы нет?» Но немцам

ЛИНИЯ

так и не удалось наладить воздушный мост с Японией. Отобранный для этой цели четырехмоторный самолет Ju-290 так ни разу и не взлетел в направлении Страны восходящего солнца. Первоначально предполагалось, что старт будет происходить в Финляндии, затем самолет пролетит вдоль побережья Северного Ледовитого океана и после пересечения Сибири совершит посадку в Маньчжурии. Но японцы сразу же зарубили этот план по политическим соображениям. Затем планировались полеты из Болгарии по южному маршруту, но она перешла на сторону союзников. Последний раз к идее авиасообщения с Японией обратились в 1945 году, когда потребовалось переправить в Токио нового атташе ВВС Ульриха Кесслера. Началась переделка серийного Ju-290 на базе в Травемюнде, но в обстановке агонии нацистской Германии планы эти были заброшены, и Кесслер взмог на борт подводной лодки U-234.

Подводные конвои

Германия, остро зависевшая от импорта сырья, попыталась первоначально сделать ставку на надводные суда – так называемые прорыватели блокады. В 1941–1942 годах эти быстроходные корабли доставили, в том числе с подконтрольных Японии территорий, 32 тысячи тонн каучука. Но союзники ужесточили контроль океанских сообщений, и единственным реально осуществимым вариантом переброски людей и грузов между Германией и Японией остались субмарины. К 1942 году последняя оккупировала Индонезию и Малакку, на пять тысяч километров сократив опасный путь для подводных лодок.

С японской стороны проект по связи с Берлином посредством субмарин получил название «Янаги» («Ива»). Всего в нем было задействовано пять подлодок, специально переделанных для транспортировки грузов. I-30 стала первой субмариной, успешно преодолевшей путь через два океана. Выйдя 22 апреля 1942-го из порта Пинанг (Малакка), она по пути в Европу приняла участие в нападении на британский флот в мадагаскарской бухте Диего-Суарес (с нее был запущен самолет-амфибия, обнаруживший противника, а затем две мини-подлодки, проникшие в бухту). 2 августа I-30 вошла в Бискайский залив, где ее встретили немецкие самолеты и корабли-тральщики, обеспечившие безопасный проход в порт Лорьян. Команде был устроен торжественный прием, а капитана Синобу Эндо принял сам Гитлер, вручивший ему Железный крест. Японцы привезли 1,5 тонны слюды и 700 килограммов шеллака – материала, добывавшегося в тропических лесах и использовавшегося в то время для изготовления пластинок, а также в электротехнике. Кроме того, на I-30 были доставлены образцы и чертежи японской авиаторпеды «образца 91» – пример того, что и немцы получили техническую поддержку от японцев.

В обмен немцы передали радарную систему ПВО «Вюрцбург» с полным

комплект чертежей, торпеды G7a и G7e, торпедные автопилоты, системы управления артиллерийским огнем, противотанковые и зенитные пушки, реактивные и планирующие бомбы, антисонарные ловушки Bold, технические алмазы и пятьдесят шифровальных машин «Энигма». Во время стоянки на I-30 немцы установили детектор радаров Metox и заменили зенитные орудия на более современные (практика, повторявшаяся для безопасности в будущем). Взяв на борт японского инженера, субмарина 22 августа отправилась в обратный путь и благополучно прибыла 8 октября в Пинанг. Оттуда она направилась в близлежащий Сингапур, но напоролась на мину и затонула в трех милях от берега. Большинство команды спаслось, но бесценный груз оказался на дне. Водолазы смогли поднять артиллерийские орудия, но самое важное – радар «Вюрцбург» и его чертежи были непоправимо испорчены взрывом и соленой морской водой. Также у японцев в целости осталось несколько «Энигм», которые успели передать морякам в Пинанге.

Частичный успех I-30 побудил Токио продолжить попытки прорыва блокады. 1 июня 1943 года из порта Куре вышла подлодка I-8. Ее груз включал самые быстрые в мире торпеды «образца 95», разведывательный самолет-амфибию «Йокосука E14Y», чертежи авиатриммеров. Также на ней находились моряки-подводники, которые должны были пройти на Балтике курс по управлению немецкой подлодкой «образца IX» и привести ее самостоятельно в Японию. По пути I-8 остановилась в Сингапуре, где взяла груз хинина, каучука и олова. В Атлантике у нее состоялось свидание с немецкой подлодкой, специалисты с которой разместили на ней Metox – для более безопасного перехода. Командование немецкого ВМФ дало ей указание, в связи с действиями авиации союзников, идти вместе Лорьяна в Брест (во Франции), куда она и прибыла 31 августа.

В обратный путь на I-8 поднялись два японских военно-морских атташе, возвращавшихся домой, несколько немецких инженеров, техников и моряков. Груз теперь состоял из разнообразного вооружения и приборов – в том числе бомбовых и зенитных прицелов, а также партии пенициллина, недавно изобретенного. I-8 стала единственной субмариной, выполнившей рейс в рамках «Янаги» в полном объеме, несмотря на атаки с воздуха на обратном пути. 21 декабря она вернулась в Куре, пройдя 56 тысяч километров. Геббельсовская пропаганда попыталась выжать все возможное из ее плавания, объявив, что отныне японские подлодки свободно действуют и в Атлантике.

А 17 декабря 1943 года в Германию отправилась I-29 с 80 тоннами каучука, 80 тоннами вольфрама, 50 тоннами олова, двумя тоннами цинка и тремя тоннами хинина, опиума и кофе. К тому времени запасы натурального кофе у немцев практически закончились и страна употребляла суррогат. Несколькими месяцами ранее I-29 успешно выполнила сверхсекретную миссию – у берегов

Мозамбика она встретила немецкую субмарину U-180, на борту которой находился Субхас Чандра Бос, лидер антибританского сопротивления. В 1941 году он бежал из Индии через СССР в Германию, где его принимали Гитлер и Гиммлер, видевшие в нем полезного союзника и позволившие сформировать ему «индийский легион» СС. Но Бос быстро разочаровался в нацистах и решил отправиться к японцам, чтобы вести борьбу с англичанами в Азии. I-29 доставила его в Сингапур, где он возглавил так называемую Индийскую национальную армию и «Азад Хинд» – правительство Индии в изгнании; недаром Боса по значимости приравнивали к целой дивизии. Одновременно японцы передали две тонны золота для своего посольства, а также состоялся обмен чертежами и оружием.

I-29 достигла Лорьяна 11 марта 1944 года, по пути подвергаясь атакам союзников, отслеживавших ее передвижение, но ее выручал все тот же Metox. Командира подлодки Такаказу Кинаси принял фюрер, вручивший Железный крест. В обратный путь немцы передали абсолютно секретный груз – чертежи ракетного истребителя Me-163 и реактивного истребителя Me-262, образцы двигателей для них, фюзеляж самолета-снаряда Фау-1, ряд других новейших образцов оружия, а также редкие материалы, например сплав ртути с радием и, по некоторым данным, небольшое количество урана. Груз сопровождала команда из восемнадцати специалистов.

Подлодка прибыла в Сингапур, где немцы вместе с чертежами покинули ее, чтобы добираться до Японии по воздуху. Техника же осталась на борту, и субмарина отправилась в путь, чтобы завершить плавание. Однако американцы, «читавшие» японские сообщения, внимательно следили за ее передвижениями, и в районе Филиппин I-29 была потоплена американской подлодкой 26 июля 1944 года.

Последней попыткой японцев прорваться в Европу стало плавание I-52. Она отправилась в путь 10 марта 1944 года и везла 10 тонн молибдена, 11 тонн вольфрама, 120 тонн олова, 60 тонн каучука, три тонны хинина, 54 килограмма кофеина. Также в груз входили 2200 килограммов золота – плата Германии за поставленную технику. В порту Лорьяна ее ждало множество ценнейших грузов, в том числе 800 кг оксида урана. Но субмарину с самого начала «вели» англо-американцы. Ее предшественницу – I-34 англичане потопили в Малаккском проливе в ноябре 1943 года, не дав субмарине даже отплыть на значительное расстояние. I-52 прошла в Атлантический океан, встретила у островов Зеленого Мыса с немецкой подлодкой, как всегда, оснащенной Metox и «Энигмой», но американцы уже ждали ее несколько севернее, расположив целую эскадру из авианосца и пяти эсминцев. Самолеты сбрасывали радиогидроакустические буи вокруг субмарины для ее пеленгации, а затем атаковали самонаводящимися по шуму двигателя торпедами Mark 24. 24 июня 1944 года I-52 была потоплена, никто из экипажа не спасся. Сегодня периодически

ски возникают планы ее поднятия со дна с целью извлечения золота.

Уран для императора

Со стороны Германии была лишь одна удачная попытка прорваться с грузом и пассажирами под водой. U-511, вышедшая из Лорьяна 10 мая 1943 года, благополучно доставила через 90 дней в Японию адмирала Наокуни Номуру – морского представителя микадо в Европе, и целый отряд немецких ученых-оборонщиков. По пути субмарина потопила два транспорта союзников. По прибытии подлодка была объявлена подарком Гитлера императору и зачислена в японский ВМФ под номером RO-500.

Уже упомянутая U-234 предназначалась как предсмертный – и самый ценный – подарок фюрера Японии. На ее борту были собраны самые важные достижения немцев в военном деле, в том числе электрические торпеды, управляемая авиабомба Henschel Hs 293, реактивный истребитель Me-262 – всего 240 тонн особо секретных грузов. Но самым загадочным по своему предназначению были 560 килограммов оксида урана – единственный точно зафиксированный случай передачи радиоактивных материалов Германией Японии. Пытались ли нацисты накануне своего краха передать эстафету Токио в разработке ядерного оружия – до сих пор неизвестно.

15 апреля 1945 года, за две недели до самоубийства фюрера, U-234 вышла из норвежского порта. Более двух недель она, не всплывая, шла под водой. И лишь 4 мая на борту узнали, что Гитлер мертв и что власть перешла к адмиралу Карлу Дёнице. При следующем всплытии, 10 мая, подлодка получила приказ Дёница поднять черный флаг и сдать союзникам. Капитан сперва не поверил словам адмирала и, лишь получив подтверждения от командиров других субмарин, отправился к побережью США. Находившиеся на борту два японца, не желая сдаваться врагу, покончили жизнь самоубийством.

Надо отметить, что, помимо программы «Янаги», осуществлялось боевое сотрудничество Германии и Японии в рамках так называемой группы Муссон (Monsun Gruppe). Начиная с середины 1943 года немцы отправили для ведения активных боевых действий в районе Индийского океана, с базированием в Пинанге, 41 подлодку. Двадцать две из них были потоплены по пути. (Интересно, что несколько субмарин предоставили итальянцы как раз накануне свержения Муссолини, и трем из них удалось добраться до Дальнего Востока – раньше первых немецких.) Часть из них также доставляли попутно грузы. Например, U-195 и U-219 привезли для японцев ракеты Фау-2. Но подавляющее большинство попыток перебросить грузы на боевых лодках окончилось неудачей. Так, в рамках операции «Цезарь» Германия попыталась поставить Японии ртуть, в которой та остро нуждалась для изготовления взрывателей. Но итогом стало попадание на морское дно нескольких сот тонн ртути, находившихся в подлодках, потопленных союзниками, что до сих пор служит предметом беспокойства экологов.

В целом попытки установить связь между Японией и европейскими странами Оси оказались дорогостоящим провалом. Союзники, взломавшие коды, узнавали о планах противника, и в большинстве случаев успешно уничтожали подлодки. Любопытно отметить, что важнейшим каналом утечек выступал посол императора в Берлине Осима Хироси, который подробно информировал Токио о всем и увиденном, и услышанном (он имел доступ к высшим секретам Третьего рейха ввиду особого доверия Гитлера и Риббентропа), а его телеграммы моментально расшифровывались американцами. Даже та техника, которую японцам удалось скопировать (ракетные и реактивные истребители «Кикка» и «Сусуй»), не могла переломить хода войны – их разбомбленная промышленность, да еще в условиях тотального дефицита сырья способна была лишь на грубое воспроизведение в единичных экземплярах.

Начиная с середины 1943 года немцы отправили для ведения активных боевых действий в районе Индийского океана, с базированием в Пинанге, 41 подлодку. Двадцать две из них были потоплены по пути.

1944 год. Отправка нацистами евреев из Венгрии в концентрационный лагерь Освенцим-Биркенау (Польша)

Последний золотой эшелон

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2005 года

ИСТОРИЯ С «ЕВРЕЙСКИМ ЗОЛОТОМ» ИЗ ВЕНГРИИ, ОКАЗАВШИМСЯ В США, ВЕНЧАЕТ СОБОЙ МНОГОЛЕТНЮЮ ДРАМАТИЧЕСКУЮ ЭПОПЕЮ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА И ИХ ПОТОМКАМ ЦЕННОСТЕЙ, УКРАДЕННЫХ НАЦИСТАМИ

Одиннадцатого октября 2005 года министерство юстиции США опубликовало заявление в связи с подписанием соглашения сторон по иску «Рознер против Соединенных Штатов». Ирвинг и АнаРознер – дети венгерских евреев, уничтоженных в лагере смерти Освенцим, и сами – бывшие узники нацистских лагерей. От имени группы истцов, таких же, как они, чудом выживших жертв холокоста, они требовали возместить им конфискованные ценности. Имущество находилось в «венгерском золотом поезде», оказавшемся в последние дни войны под контролем американских войск.

Этот судебный спор – сравнительно мелкий эпизод глобальной тяжбы, развернувшейся в американских и европейских судах в 90-е годы прошлого века и потрясшей финансовые основы свободного мира.

Почему они не верили?

В июле 1943 года в Вашингтон приехал молодой польский дипломат Ян Карский. Это был курьер, поддерживавший связь между польским вооруженным подпольем, Армией Крайовой, и польским правительством в изгнании. В свои 28 лет он претерпел уже немало испытаний, побывал и в советском плену, и в застенках гестапо. Летом 1942 года ему удалось, переодевшись в обноски со звездой Давида на груди, дважды тайно проникнуть в варшавское гетто. Кроме того, под видом охранника он побывал в одном из транзитных концентрационных лагерей – конечной остановкой формировавшихся

там эшелонов был лагерь смерти Бельзек. Об ужасах, которые он увидел, Карский рассказал высоким должностным лицам сначала в Лондоне, добравшись до Британских островов через Францию, Испанию и Гибралтар, а затем и в Вашингтоне.

Сообщения о нацистском проекте поголовного истребления европейских евреев доходили до обеих столиц и прежде. Но Ян Карский был очевидцем – такое свидетельство союзники получили впервые.

Подробности его частного разговора с президентом Рузвельтом неизвестны. Зато известна реакция другого высокопоставленного собеседника Карского – члена Верховного Суда США Феликса Франкфуртера, личного друга президента. «Г-н Карский, вам известно, что я еврей?» – спросил судья. Карский кивнул. Выслушав рассказ гостя, Франкфуртер после тяжелого раздумья заявил ему: «Я не в состоянии верить вам». «Феликс, как ты можешь! – вскинулся присутствовавший на встрече польский посол. – Говорить человеку в лицо, что он лжец! За ним стоит авторитет моего правительства». «Г-н посол, – грустно ответил Франкфуртер, – я не сказал, что молодой человек – лжец. Я сказал, что не в силах поверить ему. Это не одно и то же».

О том, почему союзники ничего не сделали ради спасения обреченных на смерть евреев, написана обширная ли-

тература. Но, быть может, квинтэссенция восприятия холокоста выражена в словах судьи Франкфуртера: не спасали, потому что не могли поверить, правда оказалась слишком страшной.

Были и сугубо практические резоны: Черчилль и Рузвельт не хотели превращать войну с Гитлером в битву «за евреев» – ведь Гитлер обвинял «плутократов» Англии и Америки именно в том, что они действуют по указке мировой жидомасонской закулисы. Безусловным приоритетом и целью войны был военный разгром Германии. После войны оставшиеся в живых узники тоже оказались никому не нужны – приоритетом стало восстановление разрушенной Европы. А потом наступила холодная война, посреди Европы с лязгом опустился железный занавес, и об уцелевших жертвах Холокоста забыли на несколько десятилетий. Лишь в середине 1990-х годов, в период особого настроения мирового общественного мнения, когда пришло время отмечать полувековые годовщины высадки в Нормандии, Арденнского сражения и окончательной победы, когда на экраны вышла картина Стивена Спилберга «Список Шиндлера», когда лидеры Германии, Польши и папа римский каялись за грехи своих предшественников, оказалось возможным поставить всерьез вопрос о реституции еврейской собственности, конфискованной нацистами.

Главный кассир войны

Не сумев, к своему изумлению, договориться с Черчиллем о мире, Гитлер в 1940 году понял, что Германии нечего противопоставить практически неисчерпаемым возможностям могучего океанского союзника Британской империи. Война с Советским Союзом не была войной идеологий – эту трактовку сам Сталин называл смехотворной. Это была война за ресурсы. Рейху были жизненно необходимы продовольствие и уголь Украины, нефть Майкопа и Грозного. Нейтральные страны сыграли ключевую роль в снабжении немецкой военной промышленности стратегическим сырьем. Германия не могла обойтись без шведской железной руды, португальского вольфрама, испанской ртути, турецкого хрома.

За все это добро, однако, нужно было платить. Уже в самом начале войны торговые партнеры Германии старались не принимать к оплате рейхсмарку. Единственной устойчивой валютой в Европе остался швейцарский франк. Для оплаты контрактов германский Имперский банк был вынужден конвертировать в швейцарские франки золото. Так Швейцария стала главным кассиром войны.

Для аккумуляции ценностей, конфискованных у евреев, в Имперском банке был открыт специальный счет на имя

гауптштурмфюрера СС Бруно Мельмера, отвечавшего за их учет и доставку.

Союзники знали о нацистских операциях с золотом и не раз предупреждали деловых партнеров Берлина о том, что не признают законность сделок с конфискованными ценностями. В последние месяцы войны нацисты приняли решение об эвакуации золотого запаса Рейха на юг. В апреле 1945 года американские солдаты случайно нашли первый и самый крупный клад. В Тюрингии, в соляной шахте Меркерс, обнаружилось огромное хранилище, где были спрятаны до лучших времен мешки и ящики с немецкой и иностранной валютой, золотыми платиновыми и серебряными слитками, золотыми монетами, золотыми изделиями и произведениями искусства. Отдельно были упакованы обручальные кольца, столовое серебро, портсигары, очковые оправы, золотые зубные коронки и пломбы – их не успели переплавить. Здесь же, в шахте, хранилась документация Рейхсбанка.

При сокровищах находился и их хранитель – глава департамента драгоценных металлов Имперского банка Альберт Томс. Впоследствии удалось найти и допросить и других свидетелей, в том числе гауптштурмфюрера Мельмера. Из их показаний следовало, что летом 1942 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и министр финансов Рейха Лютц Шверин фон Крозиг договорились о порядке обращения с немонетарным золотом и драгоценностями, оказавшимися в распоряжении СС. Первый грузовик прибыл в Имперский банк в августе. Золотые слитки, монеты и иностранная валюта покупались по лучшему курсу. Ювелирные украшения, представлявшие художественную ценность, продавались на внешнем рынке. Мелкие золотые предметы отправлялись в переплавку. Все вырученные средства аккуратно зачислялись на банковский счет СС.

После находки в Тюрингии начались целенаправленные поиски сокровищ. Во Франкфуртском банке был оборудован центральный депозитарий, куда свозились все ценности. Вскоре там просто не хватило места. 4 тонны золота нашли советские оккупационные войска, но они, как выразился в разговоре с автором один из российских экспертов, «растворились в закромах родины». В феврале 1946 года американцы нашли и передали советскому военному командованию 801 мешок советских рублей.

На Потсдамской конференции вопрос о репарациях впервые обсуждался главами победивших держав. Сталин отказался от претензий на золото, оказавшееся в руках союзников, в обмен на банковские активы стран советской зоны оккупации. А союзники провели в Париже в ноябре-декабре 1945 года конференцию по репарациям, где было решено учредить Трехстороннюю золотую комиссию для возвращения золота правительствам ограбленных стран. Комиссия действовала вплоть до февраля 1997 года. Последней свою долю получила Албания. В общей сложности комиссия распределила 329 метрических тонн золота, стоимость которых по нынешним ценам составляет около четырех миллиардов долларов.

Что касается золота, оказавшегося в банковских сейфах нейтральных стран, то его судьба решалась на отдельных переговорах. Некоторые, например Швеция, вернули все или почти все, некоторые, скажем, Турция, – ничего. Берн и Вашингтон подписали соглашение о реституции золота третьих стран в 1946 году. Сумма несколько раз корректировалась и в итоге превратилась из 250 в 28 миллионов долларов, каковые и были

выплачены в 1952 году. Поэтому когда от швейцарских банков потребовали вернуть вклады мученикам холокоста или их наследникам, банки встали в позу незаслуженно обиженных. Они явно недооценили угрозу.

Грета против «гномов»

По прихоти случая инициатором тяжбы со Швейцарией стала уроженка Румынии Грета Беер – дочь преуспевавшего вла-

дателя. Примерно половина еврейского населения Румынии пережила войну. Среди них была и Грета Беер. С величайшим трудом вырвавшись из советской зоны оккупации на Запад, она начала поиски отцовских денег. Она методично обращалась в каждый швейцарский банк и просила проверить, не в нем ли хранится вклад за таким-то номером. Она получала самые фантастические ответы. Банки придумывали множество предлогов, не позволяющих им ответить на

ревизию закровов ушло без малого 10 лет. В период с 1964 по 1973 год банки опубликовали перечень тысячи «спящих» счетов, общая сумма вкладов на которых составляла 10 миллионов швейцарских франков. Однако подавляющее большинство претензий, в том числе Греты Беер, было отклонено. Владельцы и наследники получили менее полутора миллионов на круг, 2,4 миллиона, владельцы которых не объявились, были перечислены еврейским благотворительным организациям. Остальные деньги остались в банках.

По мере приближения к юбилейному 1995 году отмахиваться и отмалчиваться становилось все труднее. В мае в своей речи по случаю 50-летия окончания войны в Европе президент Швейцарской Конфедерации Каспар Филлигер принес извинения за то, что в 1938 году Берн попросил немецкие власти ставить в паспорта еврейских беженцев, покидающих Германию, штамп «J» (Jude), дабы швейцарские пограничники могли отказать им во въезде.

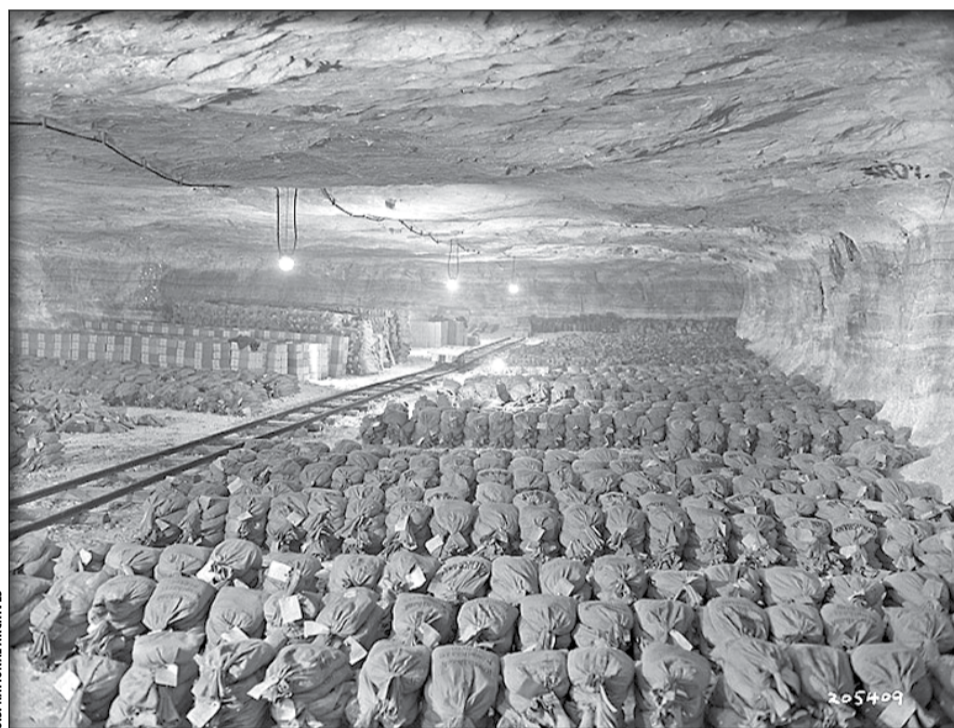
Но давление не ослабевало. В июне WallStreetJournal в серии материалов, посвященных окончанию Второй мировой войны, опубликовала на первой полосе очерк о мытарствах Греты Беер. В Брюсселе статья попала на глаза американскому послу при Европейском союзе Стюарту Айзенстату. Помимо посольской должности, он исполнял еще одно специальное поручение заместителя госсекретаря Ричарда Холбрука – содействовал реституции церковной собственности в странах бывшего Восточного блока. В большинстве случаев речь шла о возвращении синагог еврейским общинам.

Предки Айзенстата по мужской линии происходят из России, по материнской – из Литвы. Из этой литовской родни три двоюродные бабки погибли в аду холокоста. Прочитав статью в WSJ, посол позвонил в Вашингтон Холбруку и попросил расширить его мандат, чтобы он мог заняться «спящими» счетами. Холбрук ответил согласием.

Тому, кто верит в глобальный еврейский заговор, бесполезно что-либо доказывать. А вменяемому читателю будет полезно узнать, что антисемитизм в США имеет старые и крепкие корни. Ненависть к евреям появилась там раньше самих евреев.

Когда первые 23 еврея прибыли в 1654 году на остров Манхэттен из Бразилии (они спасались от инквизиции, которая начала там гонения против нехристиан после победы Португалии над Голландией в войне за эту колонию), губернатор Нового Амстердама (будущего Нью-Йорка) Петер Стуйвесант сделал все, что бы изгнать их с подведомственной ему территории. Беженцы апеллировали к совету директоров Вест-Индской компании и получили разрешение остаться, но были ограничены в правах; христианской общине было запрещено помогать бедствующим евреям, хотя бы те околевали от голода и холода. Еще в 30-е годы прошлого века многие американские гостиницы не принимали на постой евреев, о чем вывешивали на дверях любезные уведомления. Не скрывали своей нелюбви к евреям авиатор Чарльз Линдберг и автопромышленник Генри Форд.

Ярым и откровенным юдофобом был генерал Джордж Паттон, чья войска освободили многие лагеря смерти. Как сообщил президенту Трумэну глава специально назначенной комиссии, «освободители» практически ничего не поменяли в условиях содержания узников, только что не травили их в газовых камерах. Антисемитом был президент Ричард Никсон – он считал «Уотергейт» мстостью евреев за его политику на Ближнем Востоке. Джимми Картер в 1979 году, когда к власти в Иране пришел аятолла Хомейни, отказался принять еврейских беженцев из Ирана, дабы не раздражать вождей исламской революции; в конце концов он согласился выдать им туристические визы, срок действия которых истечет лишь после восстановления шахского режима. Когда в 2000 году Эл Гор предложил в паре с ним избираться в вице-президенты правоверному иудею Джо Либерману, это стало едва ли не большей сенсацией, чем выдвижение женщины или негра.

Самое большое хранилище награбленных нацистами ценностей обнаружили американцы на соляных коях Меркерс в Тюрингии

дельца фирмы по пошиву готового платья. Никто из ее семейства не был заключен в лагерь смерти и не погиб в газовой камере. Отец Греты умер в 1940 году от болезни почек. После прихода к власти в Германии нацистов он не раз говорил жене и детям: не дай бог с ним что случится – без куса хлеба они не останутся, потому что все его сбережения надежно хранятся на номерном счете в швейцарском банке. Семья знала номер счета, но не ведала, в каком банке следует искать вклад. Уже на одре смерти Грета пыталась спросить отца об этом, но тот впал в кому и вскоре скончался.

запрос. Между тем каждый такой запрос обходился в круглую сумму, взимаемую независимо от результата. Грета была не единственным просителем. Она пришла к выводу, что столкнулась с согласованными действиями по обструкции интересов законных наследников.

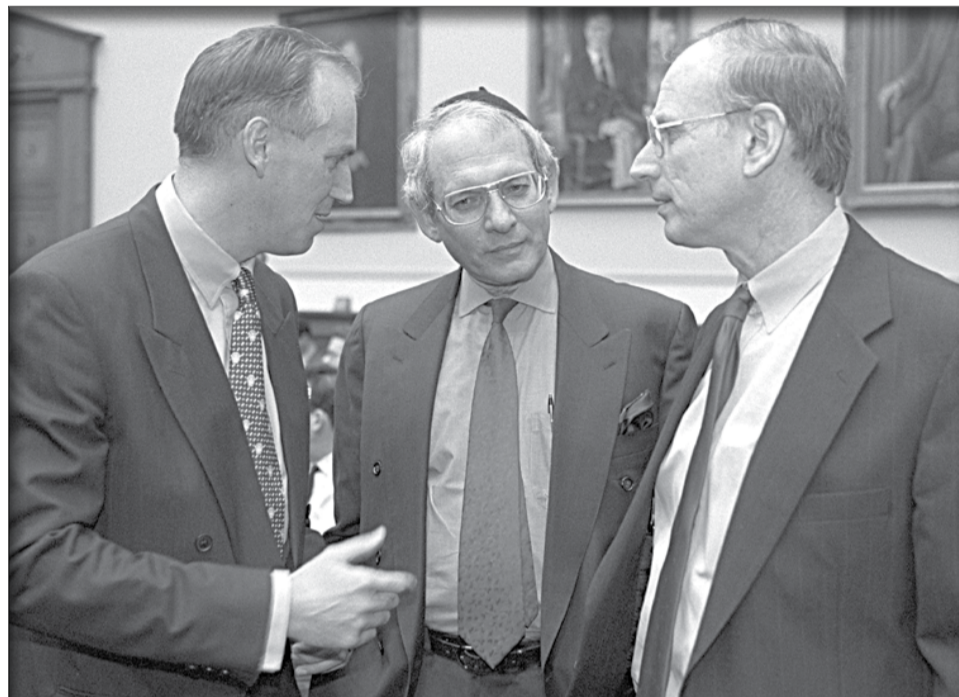
В 60-е годы прошлого века Швейцария впервые занялась проблемой «спящих» счетов. Под нажимом американского и британского правительств швейцарский парламент принял закон, обязывающий банки проверить свои активы и обнаруженные бесхозные деньги вернуть владельцам или их наследникам. На

Под нажимом американского и британского правительств швейцарский парламент принял закон, обязывающий банки проверить свои активы и обнаруженные бесхозные деньги вернуть владельцам или их наследникам.

Иными словами, еврейская тема в США такой же обоюдоострый предмет, как и в любой другой стране мира.

В сентябре 1995 года президент Всемирного еврейского конгресса Эдгар Бронфман впервые встретился в Берне с руководством Ассоциации швейцарских банкиров. Встреча в роскошном банкетном зале началась с речи президента ассоциации Георга Крауэра, которую он зачитал по бумаге. Тщательная проверка, заявил он гостям, выявила 774 невостребованных счета времен Второй миро-

войны? А Красный Крест – какова была бы участь военнопленных без Женевской конвенции? Это правда. Но правда и то, что, находясь под неослабевающим давлением правительства Швейцарии, Красный Крест ничего не сделал для облегчения участи евреев. Даже среди союзников Германии была страна, не выдавшая своих евреев на верную смерть, – Болгария. Оккупированная Дания упорно отказывалась депортировать евреев. Нейтральная Швеция принимала еврейских беженцев из соседних стран.

вой войны, часть из которых, возможно, принадлежит жертвам холокоста; общая сумма вкладов на них составляет 38 миллионов швейцарских франков. Когда Бронфман, у которого, по словам знающих его людей, «низкая точка кипения» (автор встречался с ним однажды, но особой раздражительности не заметил), выразил возмущение такой постановкой вопроса, его спросили, сколько же он хочет получить. «Они приняли нас за шайку попрошайек», – рассказывал впоследствии Бронфман Айзенстату. – Они не поняли, что мы не просим отступное, а требуем вернуть собственность законным владельцам».

Ни до чего не договорившись, Бронфман отправился в США. Он понял, что только внешнее давление способно убедить швейцарских банкиров. Будучи другом Билла и Хиллари Клинтон, Бронфман, тем не менее, обратился не к ним, а к их злейшему врагу – сенатору-республиканцу от штата Нью-Йорк Альфонсу д'Амато. Д'Амато был могущественным человеком. Он возглавлял комитет верхней палаты по банковской деятельности.

Находка бдительного охранника

В апреле 1996 года в Сенате открылись организованные д'Амато слушания по «нацистскому золоту», звездой которых стала Грета Беер. В октябре того же года бывший узник Освенцима Гизелла-Вайсхаус вчинила в американском суде иск швейцарским банкам на сумму 20 миллиардов долларов. (Это был так называемый групповой иск – classaction, пострадавшие могли присоединиться к нему позднее.) Страсти накалились. Правительства штатов Калифорния и Нью-Йорк объявили бойкот швейцарским банкам. Их примеру готовились последовать Нью-Джерси, Флорида, Массачусетс, Вермонт, Пенсильвания, Иллинойс. Это была не пустая фраза: власти штатов управляют пенсионными фондами, которые входят в число наиболее серьезных участников мирового инвестиционного рынка.

«Цюрихские гномы» сопротивлялись до последней возможности. В завязавшейся дискуссии они говорили о том, что их страна проявила инстинкт самосохранения. Да, объявив о нейтралитете, Швейцария спасала себя от вторжения.

Это право и долг любого правительства. И разве не сыграла она позитивную роль в дипломатической истории

Председатель управляющего совета Всемирного еврейского конгресса Израэль Сингер (в центре) и глава комиссии по «нацистскому золоту» Стюарт Айзенстат перед сенатскими слушаниями в 1996 году. Справа: Кристоф Мейли получает из рук Альфонса д'Амато документы на право постоянного жительства США и флаг страны

А Швейцария принимала вклады в виде золота, выплавленного из зубных коронок замученных узников. Мы не знали, из чего оно выплавлено, говорили гномы. Но 8 января 1997 года произошло событие, доказавшее, что знали.

В этот день в половине пятого пополудни молодой охранник главной контрольной точки банка SBG в Цюрихе Кристоф Мейли отправился на свой ежевечерний обход вверенного объекта. В комнате, где стоят бумагорезки, он увидел стопу старых бухгалтерских книг, погруженных на две ручные тележки и предназначенных к измельчению. Самые ранние были датированы 1864 годом, самые поздние – 1970-м. Внимание Мейли привлекли две большие книги в черных переплетах, на которых значилась дата «1945–1965», – это были отчеты об операциях с ценными бумагами и недвижимостью. Среди клиентов банка значились немецкие промышленные компании, такие как химический концерн Degussa, который занимался переплавкой мелких золотых предметов, в том числе зубных коронок (компания существует по сей день – это крупнейший в мире производитель материалов для стоматологии), и Degesch, поставлявшая газ Zyklon B для газовых камер лагерей смерти (и эта компания существует по сей день – производит пестициды для сельского хозяйства).

Мейли читал в газетах о проблеме «спящих» счетов. Его поразило, что банк уничтожает книги спустя всего три недели после подписания соглашения с адвокатами американских истцов, по которому швейцарские банки обязались сохранить вещественные доказательства, имеющие отношение к предмету судебного спора.

Охранник вырвал из обеих книг записи 1945 года и по окончании дежурства унес их с собой домой. Книги он положил на прежнее место. Прежде чем бить тревогу, Мейли решил выяснить, не по ошибке ли книги оказались в комнате для бумагорезок. 9 января посреди рабочего дня он вошел туда снова и увидел пустые тележки, а в мусорной корзине – переpleты книг, из которых он вырвал страницы. После этого все сомнения отпали.

Первым долгом он позвонил в редакцию цюрихской газеты Tagesanzeiger, но там находкой не заинтересовались. В посольстве Израиля, опасаясь провокаций, просто попросили прислать документы по почте. Но Мейли решил, что это слишком рискованно. Наконец, он нашел в Цюрихе израильскую журналистку Гизеллу Блау, которая и опубликовала некоторые документы.

Реакцию швейцарских властей можно было предвидеть. Против Мейли завели уголовное дело по обвинению в хищении банковской документации с целью ее уничтожения, то есть именно в том, в чем он пытался обвинить банк SBG. (Впоследствии обвинение было переквалифицировано на нарушение банковской тайны.) В Швейцарии началась форменная травля «предателя». Хватало и антисемитских выпадов; на этом поприще особо отличился Кристоф Блохер – миллиардер, лидер праворадикальной Народной партии и кумир швейцарских скинхедов. Миф о благородном швейцарском нейтралитете рушился на глазах.

Одновременно в США развернулась кампания в защиту Мейли, сбор средств на его судебные издержки. Сенатор д'Амато пригласил его свидетелем на свои слушания. 25 февраля Кристоф Мейли с женой и двумя детьми четырех и двух лет прилетел в Нью-Йоркский международный аэропорт имени Джона Кеннеди, где должен был сделать пересадку на рейс в Вашингтон. Перед тем как лететь дальше, он созвонился с израильским культурным центром в Цюрихе и со своим швейцарским адво-

работал, уволила его. Другую работу он найти не мог. Каждое утро Мейли вынимал из почтового ящика груду писем с угрозами и оскорблениями. Не умолкал и телефон. Анонимы грозились похитить детей и потребовать выкуп 30 серебряными, которые Мейли якобы получил «от евреев». Газеты копались в его прошлом, возводя на него невероятнейшую напраслину. В конце апреля Кристоф Мейли решил, что его поезд ушел бесповоротно, и согласился свидетельствовать перед комитетом д'Амато.

В этом сюжете было еще много перипетий. Стюарт Айзенстат, возглавивший учрежденную президентом Клинтоном комиссию по «нацистскому золоту», проделал основную работу по рассекречиванию и изучению американских архивных документов, вел переговоры, созывал международные конференции. По его настоянию были рассекречены материалы американской разведки. Он доказал, что Национальный банк Швейцарии не мог не знать происхождение нацистского золота – хотя бы просто потому, что объем этих операций значительно превышал довоенные золотовалютные резервы Германии. Если в начале войны швейцарские власти еще могли верить в угрозу нацистского вторжения (на самом деле Гитлеру нужна была именно нейтральная Швейцария), то в конце ее такой угрозы не существовало; между тем операции с золотом продолжались. После войны Швейцария заключила секретные соглашения с Польшей и Венгрией о возвращении денег с невостребованных счетов при условии, что швейцарские компании

катом. Оба абонента убеждали его отказаться от участия в сенатских слушаниях. В культурном центре сказали, что швейцарские банки создают фонд помощи жертвам холокоста, но откажутся от этого проекта, если Мейли даст показания сенату. Адвокат сказал, что отказывается от защиты, если клиент не вернется немедленно домой. Мейли отправился с семейством переночевать в дом адвоката Эда Фэгана, который вел в американском суде групповой иск к швейцарским банкам. Их багаж улетел в Вашингтон. Но переночевать в США им не удалось – жена Фэгана выставила их из дома, предвительно объяснив, что сенатор д'Амато собирает лишь использовать дело о «спящих» вкладах для собственного переизбрания. Удрученный Мейли в итоге взял билеты на поздний ночной рейс в Цюрих.

Родина встретила его неприветливо. Частная охранная фирма, в которой он

получат компенсацию за национализированную в этих странах собственность. Компенсацию вычли из причитающихся сумм, но остатка ни Варшава, ни Будапешт не увидели вплоть до 1973 года, когда им было перечислено по 200 тысяч долларов.

Вслед за банками наступил черед промышленных концернов, эксплуатировавших труд заключенных, и страховых компаний, не признававших страховым случаем смерть в газовой камере, дошла очередь и до произведений искусства. За шесть лет Айзенстат вернул жертвам Холокоста собственность на сумму почти восемь миллиардов долларов. Грета Беер получила 510 долларов от гуманитарного фонда, учрежденного Ассоциацией швейцарских банкиров; данные о банковском счете ее отца так и не нашлись. Альфонс д'Амато проиграл выборы в сенат. Кристоф Мейли получил политическое убежище в США и стипендию на

учебу в университете. В американских отделениях банка CreditSuisse произошла серия загадочных пожаров, уничтоживших всю отчетность. Дело о «венгерском золотом поезде» стало, по-видимому, одним из последних в длинной веренице судебных тяжб.

Венгерский марш смерти

Регент Венгрии адмирал Миклош Хорти упорно сопротивлялся депортациям венгерских евреев. Гитлера бесило это упрямство. К началу 1944 года из всех союзных Германии или оккупированных ею стран Венгрия оставалась страной с самым многочисленным еврейским населением – 725 тысяч человек. Кроме того, он опасался выхода Венгрии из войны. Поэтому в марте он потребовал от Хорти назначить министром-президентом Дёме Стояи, который занимал до этого пост венгерского посла в Берлине и пользовался доверием фюрера, и ввел на территорию союзника немецкие во-

йска «захватили» или «угнали» поезд, не соответствующий действительности). Некоторые время венгры и американцы охраняли поезд вместе. Затем товар перегрузили в американский военный склад в Зальцбурге. 28 июля ценности перешли под полный контроль американских войск. Командиры клятвенно заверили Ласло Авара в том, что все имущество будет возвращено законным владельцам, как только представится такая возможность. Автомобильный же конвой во главе с начальником поезда Арпадом Толди попал во французскую зону оккупации.

Истории, рассказанные истцами, похожи одна на другую как капли воды. Все они были в 1944 году детьми или подростками. Сначала в дом пришли полицейские и забрали по декрету имущество, а потом вместе с родителями их отправили в Освенцим. Родители там и сложили головы, а детям пришлось претерпеть еще много страданий. В середине января началась Висло-Одерская операция

он находился с визитом в Вашингтоне, в ходе которого и был решен вопрос о возвращении венгерского золотого запаса в целях укрепления национальной экономики. 6 августа того же года из Франкфурта в Будапешт прибыл поезд, доставивший в венгерскую столицу золото на сумму 32 миллиона долларов (по нынешнему курсу это почти в 10 раз больше). Венгрия стала крупнейшим получателем «нацистского золота».

Надь пытался договориться и о реституции ценностей «золотого поезда», однако не успел. В мае 1947 года, находясь на отдыхе в Швейцарии, Надь узнал о своей отставке. Больше свободных выборов ни в Венгрии, ни в какой-либо другой стране коммунистического лагеря не было.

Как явствует из документов, американские должностные лица знали происхождения ценностей «золотого поезда». Однако их возвращение представляло немалые трудности как юридического, так и политического порядка. Прежде

В 1948 году правительство США наконец нашло решение. После консультаций с наиболее авторитетными еврейскими организациями все ценности «золотого поезда» были переданы учрежденной после войны Международной организации по делам беженцев (теперь она называется Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев), которая и должна была реализовать их. Для проведения аукционов была выбрана нью-йоркская частная галерея Парк Бернет.

Аукционы начались летом 1948 года и продолжались весь 1949-й. О владельцах в каталогах говорилось, что они не установлены, однако тот факт, что ими были венгерские жертвы холокоста, ни в коей мере не скрывался и не замалчивался. Первые же торги превысили ожидания аукционеров на 40 процентов. Согласно финансовым отчетам, в общей сложности Международная организация беженцев выручила 2,96 миллиона долларов; две трети этой суммы получены от продажи предметов венгерского «золотого поезда».

Нью-йоркские аукционы привлекли большое внимание публики. В двух случаях бывшим владельцам удалось вернуть свое имущество. Отец истицы Элизабет Брейер, бывший раввин Будапешта, опознал золотую чашу, которую иудеи употребляют при обряде «кид-душ» – молитве освящения субботы. Хуго Хоффман сумел доказать свое право на владение двумя золотыми шкатулками, уже проданными и выставленными в другой галерее. Аукционеры выплатили ему 13 тысяч долларов компенсации.

90 процентов вырученных средств были направлены крупнейшим еврейским организациям для обустройства еврейских беженцев. Остальные 10 были израсходованы на помощь беженцам – не евреям. Ни цента из этих денег правительство США не присвоило. Точная стоимость ценностей, находившихся в «золотом поезде», никому не известна.

По всем этим основаниям министерство юстиции США, выступавшее ответчиком по иску, который наследники жертв холокоста вчинили американскому правительству в 2001 году, настаивало на том, что вопрос исчерпан. Однако после вмешательства ряда видных политиков, в том числе сенаторов Хиллари Клинтон и Арлена Спектера, администрация Буша младшего изменила свою позицию. Тяжущиеся стороны вступили в переговоры. 26 сентября этого года в федеральном окружном суде в Майами, штат Флорида, состоялось заключительное слушание, на котором соглашение сторон было утверждено.

По условиям соглашения, правительство США перечислит 25,5 миллиона долларов в фонд, учрежденный специально для этой цели. Все судебные издержки, причитающиеся с истцов, будут покрыты из этой суммы. 500 тысяч долларов будут направлены музеям и другим исследовательским и образовательным организациям, занимающимся изучением истории холокоста. Остальные деньги, примерно 21 миллион, будут потрачены на программы социального обеспечения лиц, подпадающих под условия, определенные судом. Получатель социальной помощи должен родиться до 8 мая 1945 года и проживать на территории Венгрии хотя бы кратковременно в период между 1939 и 1945 годами, а кроме того, действительно нуждаться в такой помощи. Никаких прямых денежных выплат соглашение не предусматривает.

□

Конфискованное имущество доставлялось в Будапешт. 14 октября 1944 года, когда советские войска уже вошли в Венгрию, из Будапешта по направлению к Австрии вышел эшелон из 1822 вагонов, загруженных еврейскими ценностями.

йска. Гиммлер считал задачу депортации венгерских евреев настолько важной и сложной, что направил для ее исполнения своего главного палача Адольфа Эйхмана.

Стояи начал с того, что издал декрет об обязательной сдаче евреями ценностей «на хранение» в банки. У тех, кто уклонялся от исполнения декрета, имущество отбирали силой. Однако и в этом случае на руки выдавалась квитанция. За изъятием ценностей в апреле последовали депортации в Освенцим. За три месяца было вывезено 437 тысяч человек.

Конфискованное имущество доставлялось в Будапешт. 14 октября 1944 года, когда советские войска уже вошли в Венгрию, из Будапешта по направлению к Австрии вышел эшелон из 1822 вагонов, загруженных еврейскими ценностями. Здесь были ювелирные украшения, ковры восточной работы, произведения искусства, предметы религиозного назначения (одних золотых менор и ритуальных чаш три тонны), фарфор, меха, музыкальные инструменты, фотоаппараты и даже постельное белье. По пути его догоняли дополнительные партии конфискованного имущества. Эшелон продвигался на запад с остановками и приключениями, то и дело оставаясь без локомотива.

В ноябре к власти в Венгрии пришел откровенный нацист Ференц Салаши, и у поезда сменился начальник – им стал Арпад Толди, уполномоченный министерства внутренних дел по операциям с еврейскими ценностями. Он догнал поезд в долине Обанья и, расположившись в замке графа Таттенбаха, устроил сортировку, отделив самый ценный груз.

Поезд пересек границу 30 марта, чудом раздобыв паровоз, когда Красная Армия находилась уже в нескольких километрах. В его составе теперь было 46 вагонов; охраняли его 40 солдат. Начальник поезда Толди покинул его, перегрузив 54 коробки с наиболее ценными предметами на машины. Иностранную валюту он присвоил, взяв в долю четырех своих подчиненных. Старшим остался командир охраны Ласло Авар. Уже в Австрии его отряд отразил попытку эс-совцев завладеть поездом. 8 апреля «золотой эшелон» проследовал Зальцбург и остановился в Хопфгартене, а затем продвинулся до станции Верфен. Там Авар и дождался конца войны, спасая себя и вверенное имущество от бомбежек и грабителей.

Он сам попросил американских военных взять под охрану состав (имеющиеся в некоторых популярных изданиях сообщения о том, что американские

советских войск. Части Красной Армии успешно продвигались по направлению к Кракову. Командование СС приняло решение эвакуировать из лагерного комплекса Освенцим-Биркенау 66 тысяч оставшихся в живых узников. Это было начало печально знаменитого пешего «марша смерти» – Todesmarsch. Эвакуировали не только заключенных, но и 514 843 предмета одежды, оставшихся от ликвидированных узников. Крематории тоже было приказано демонтировать и перевезти, чтобы на новом месте можно было продолжать уничтожение евреев. Но времени не хватило, крематории пришлось взрывать; последний был взорван 22 января, за пять дней до прихода советских войск. В Биркенау последние 600 заключенных были убиты за несколько часов до появления советского авангарда; сжигать трупы было уже негде.

Наследники сокровищ «золотого поезда» находились в изнуренных колоннах «марша смерти». Их гнали в лагерь Берген-Бельзен. Своих родителей они больше никогда не увидели. Но у некоторых чудом сохранились квитанции на реквизируемое имущество. Их они и предъявили американцам. Корешки квитанций, говорили они, должны лежать в архиве Национального банка Венгрии.

Мародеры были и в Америке

Конечно, обвинять страну, осуществившую беспрецедентную программу восстановления разрушенной войной Европы – план Маршалла, – в том, что она присвоила еврейскую собственность, по меньшей мере нелепо. США были инициатором проекта реституции «нацистского золота» законным владельцам. Венгрия была одной из ограбленных нацистами стран и единственной страной Центральной и Восточной Европы, где в ноябре 1945 года в соответствии с ялтинскими соглашениями прошли свободные выборы. Победу одержала Партия мелких хозяев, ее лидер Ференц Надь стал премьер-министром. В июне 1946 года

всего, не представлялось возможным установить личности законных владельцев. Как же так, изумлялись наследники (и этот аргумент имеется в их искомом заявлении), ведь все предметы были упакованы самими владельцами, по распоряжению властей на каждой упаковке имелся ярлык с именем и адресом владельца. Да в том то и беда, что начальник поезда Арпад Толди вскрыл упаковки и рассортировал груз по своему – не по владельцам, а по наименованиям: часы к часам, кольца к кольцам.

Но почему, в таком случае, ценности не были переданы правительству Венгрии, которое действовало по уполномочию еврейской общины? Здесь возникла трудность иного рода. Будучи союзником Германии, Венгрия значительно расширила свои границы за счет территорий Румынии, Чехословакии и Югославии. Мирным договором от 10 февраля 1947 года она была лишена всех территориальных приобретений. Поэтому передавать ей имущество еврейского населения этих временно входивших в состав Венгрии областей было бы юридически некорректно. Ну а когда в стране была установлена «социалистическая демократия», вопрос отпал сам собой. Правительство Франции поступило иначе: оно вернуло ценности, которые начальник поезда отделил и повез на машинах, новым венгерским властям. Жертвы холокоста не получили в результате этой реституции ни гроша.

Пока в Вашингтоне решали, как быть с содержимым «золотого поезда», американские генералы распорядились его частью по собственному усмотрению. Они украсили коврами и картинами свои штабы и квартиры; нашлось применение и посуде, белью и серебру. В каждом отдельном случае составлялась опись, предметы выдавались под расписку. Тем не менее немудрено, что часть товара затерялась или пришла в негодность. Были и кражи со склада. По крайней мере, некоторые похитители были установлены и наказаны.

Пока в Вашингтоне решали, как быть с содержимым «золотого поезда», американские генералы распорядились его частью по собственному усмотрению. Они украсили коврами и картинами свои штабы и квартиры; нашлось применение и посуде, белью и серебру.

«Подарки для Рузвельта увозили на грузовике...»

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

■ Публикация 2015 года

4–11 февраля 1945 года, в Крыму прошла Ялтинская конференция руководителей трех держав антигитлеровской коалиции: СССР, Великобритании и США, на которой Сталин, Рузвельт и Черчилль решали судьбу послевоенной Европы. Виктор Матвеевич Зегаль, офицер внешней разведки, принимал в ней участие в качестве переводчика. В ноябре 2012 года в возрасте 94 лет, незадолго до смерти, он рассказал корреспонденту «Совершенно секретно» о том, что происходило за кулисами переговоров. На тот момент он оставался, видимо, последним живым свидетелем исторических событий, о которых здесь идет речь.

Я родился в Воронеже, в апреле 1918 года. Воронежский железнодорожный техникум закончил с отличием в 1937 году и был принят в Московский институт железнодорожного транспорта. На последнем курсе, в начале 1941 года, меня перевели в Московский авиационный институт на самолетостроительный факультет – в воздухе явно пахло приближающейся грозой, стране нужно было увеличить подготовку авиаспециалистов. Началась война, и я вместе с институтом был эвакуирован в Алма-Ату. Весной 1943 года, после окончания института, получил распределение в Москву, на авиационный завод в Химках, откуда и был вскоре призван в армию. Я неплохо знал английский язык, так как еще в годы учебы в институте занимался на языковых курсах и, видимо, поэтому был направлен на учебу в спецшколу НКГБ (Народного комиссариата государственной безопасности), готовившую кадры для службы внешней разведки.

Конечный пункт и цель командировки нам не называли

В начале 1945 года, по окончании спецшколы, я был направлен для прохождения службы в американский отдел НКГБ, и уже через 2–3 недели в составе оперативной группы НКГБ был командирован в Крым. Конечный пункт и цель командировки нам не называли. Прибыли поездом в Симферополь, оттуда нас повезли в Ялту, и только здесь мы узнали, зачем нас сюда направили, и что здесь должна была состояться встреча руководителей трех держав, участников антигитлеровской коалиции – Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Ялта была освобождена от немецких оккупантов почти год назад, в апреле 1944 года, но повсюду видны были следы бушевавшей здесь войны. Многие города и селения Крыма лежали в развалинах. По обочинам шоссе стояли сожженные немецкие танки, автомашины и другая военная техника. Для размещения участников конференции (число одних иностранцев составило около семисот человек) были проведены ремонтно-восстановительные работы в Ливадийском, Воронцовском и Юсуповском дворцах. Во время боевых действий они практически не пострадали. Немецкие войска, обойденные с фланга, поспешно отсюда бежали.

Сотрудник американского отдела НКГБ Виктор Зегаль (второй справа) с личной охраной Рузвельта

Безопасность конференции обеспечивала советская сторона, были приняты все меры предосторожности: от возможного налета немецкой авиации вокруг были установлены зенитные орудия и радиолокаторы. С моря подступы к Ялте охраняли корабли и подводные лодки. Опыт конференции в Тегеране в 1943 году, где немецкая разведка готовила покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля, был учтен.

Советская делегация прибыла в Ялту к началу февраля и разместилась в самом скромном по размерам и архитектуре Юсуповском дворце в Кореизе. Непосредственно во дворце жили Сталин и Молотов, другие члены делегации расположились в довольно тесных подсобных помещениях, а часть, в основном советники и эксперты, разместились в самой Ялте.

Гостям, американской и английской делегациям, были созданы лучшие, максимально возможные в условиях войны, удобства. Англичанам был отведен величественный Воронцовский дворец в Алушке, он очень понравился главе английской делегации Черчиллю, напоминая ему кусочек Англии. Вместе с Черчиллем в Воронцовском дворце находилась и его дочь Сара.

Американская делегация разместилась в главном корпусе Большого Ливадийского дворца и в двух вспомогательных корпусах. Рузвельт со своей дочерью Анной расположился в нижнем этаже дворца, откуда на инвалидной коляске ему было легко попасть в зал, где проходила конференция. Я был включен в группу переводчиков, прикрепленную к американской делегации, и разместился тоже в одной из комнат в отдельном флигеле Ливадийского дворца.

Сталин сказал, что лучшая водка – это грузинская чача

Первое заседание конференции началось 4 февраля 1945 года, в 17 часов, в ясный солнечный день. На этом и последующих заседаниях в большом зале присутствовали главы государств: Сталин, Черчилль и Рузвельт, их личные переводчики и члены делегаций высокого ранга. Многочисленные советники, эксперты, армейские чины, дипломаты и политики, и, конечно, мы, переводчики, располагались в просторном вестибюле, из которого одна дверь вела в итальянский сад, а другая в конференц-зал.

Заседания «большой тройки» начинались в 10, и после перерыва на обед, в 16 часов. Первым обычно появлялся Черчилль, попыхивая огромной сигарой, и я до сих пор помню аромат их дыма. Потом, медленным шагом, подходил Сталин, рядом с ним был всегда Молотов. Сталин молча кивал стоящим в вестибюле, притихшим членам делегации.

Последним, на кресле-каталке, подталкиваемый слугой, появлялся Рузвельт. Обстановка менялась, он обычно дружелюбно улыбался, многим пожимал руки. Я тоже и не раз удостоивался его рукопожатия, а вот пожать руку Сталина мне довелось лишь раз.

Вечером, после окончания пленарных заседаний, как только из конференц-зала уходил последний член официальной делегации, можно было наблюдать такую картину: почти все, находящиеся в это время в вестибюле, среди которых были и высокопоставленные лица, и военные высоких рангов, устремлялись, опережая друг друга, к круглому столу за кото-

рым проходили переговоры, в надежде завладеть предметом, которым пользовался кто-то из тройки лидеров. Это мог быть блокнот, листок бумаги с пометками, карандаш. Один раз повезло и мне, я, опередив какого-то американского генерала, стал обладателем начатой пачки папирос «Герцеговина Флор», оставленной Сталиным. Это были его любимые папиросы, табаком из которых он набивал свою трубку.

Президент США Рузвельт пользовался большим авторитетом в политических кругах, а в своей стране – любовью соотечественников. Здесь, в Ялте, в тесном общении, это отношение к нему было особенно заметно. Располагало к нему и то, что он один из «большой тройки», проезжая в коляске через вестибюль, заполненный людьми, задерживался и многим жал руку.

Не могу забыть трогательную картину. Одно из заседаний должно было проходить в Юсуповском дворце – резиденции советской делегации. Рузвельта к автомобилю подвозит в коляске чернокожий мажордом, средних лет, с добрым заботливым лицом. У автомобиля он, осторожно поддерживая, помогает Рузвельту встать на ноги. Поддерживаемый мажордом Рузвельт делает несколько шагов к открытой дверце автомобиля. Сейчас особенно заметно, что 63-летний американский президент тяжело болен. У него усталое лицо, покрытые желтизной щеки, дрожащие руки. Мажордом подсаживает Рузвельта на сиденье автомобиля, осторожно приподнимая каждую ногу. Долгим внимательным взглядом он провожает отъезжающую машину.

Я был знаком с этим афроамериканцем-мажордом, общался с ним, и, наверное, поэтому ко мне обратился наш началь-

ник охраны генерал Власик с необычной просьбой. Приближалось завершение конференции. Сталин решил сделать подарок Рузвельту из набора наших продуктов. Мне было поручено узнать, что президенту больше всего понравилось из угощений, которые ему предлагались здесь. Я обратился с этой просьбой к темнокожему мажордому, и он с большой готовностью согласился мне помочь, и уже на следующий день я держал в руках требуемый список: икра черная и красная, балык, лучшие сорта копченой колбасы, осетровая рыба, крабы, коньяки, массандровские вина, водка, чача и специально выпущенный к Ялтинской конференции шоколадный набор конфет «Союзнические».

Необходимо добавить, что грузинская чача попала в этот список в связи с тем, что в беседе во время одного из застолий Сталин сказал, что лучшая водка – это грузинская чача. Рузвельт на это живо отреагировал, и Сталин не оставил это без внимания.

Меня же больше всего поразила объем этого подарочного продовольственного набора. 11 февраля, в день отъезда американского президента, у дворца его ожидал небольшой грузовичок с перечисленными яствами. Видимо, несмотря на то, что американский президент выглядел больным человеком, отсутствием аппетита он не страдал. Ему очень понравилась еда, которую готовил для «большой тройки» наш повар по фамилии Лягушкин, о чем Рузвельт не преминул сказать Сталину. В итоге за свое старание и умение товарищ Лягушкин был отмечен наградой, нашей и американской.

Коль я затронул здесь тему кулинарных пристрастий, упомяну и о Сталине.

полнилось полбокала, адмирал Кучеров молчит, а в глазах адмирала Леги начинается скользить удивление. Струйка продолжает стекать в бокал и только когда уровень виски почти сравнялся с краем бокала, Кучеров кивнул головой, и я сказал адмиралу Леги «enough» (англ. – «достаточно»). Проследив, как адмирал Кучеров, не переводя дыхания, осушил бокал до дна, адмирал Леги, как мне показалось, был в легком шоке. Надо сказать, что после этого скованность первого знакомства прошла, и дальнейшая беседа пошла в оживленной и дружеской атмосфере.

Завтракали, обедали и ужинали мы, вспомогательные участники конференции, как американцы, так и русские, обитавшие в Ливадийском дворце, в столовой, оборудованной в одном из корпусов. Еду готовили наши повара, из наших продуктов. На столики подавалась одинаковая для всех еда, спиртного не было, но была черная и красная икра, балык.

В день первого заседания конференции, после завтрака, мы, русские, небольшой группкой направились к конференц-залу. У выхода из столовой нас остановили американцы и с загадочными улыбками сказали: «Всем вначале надо сюда», указывая на дверь одной из комнат. Озадаченные, мы повиновались. Оказалось, что там приводили в порядок внешний вид членов американской делегации: стригли, брили, чистили обувь и одежду.

Подполковник внешней разведки Виктор Зегаль

при встрече». А еще я вручил ему пачку популярных в нашей стране папирос «Казбек», на которой написал по-русски «При встрече – закурим». Подарил я ему начатую Сталиным пачку папирос «Герцеговина Флор». Мы обнялись, пригласили друг друга в гости после войны. Верили в эту встречу так же, как и в то, что наши страны после войны будут еще ближе друг другу. И встреча, которую мы с Джоном загадали, произошла, но об

в политических кругах США, отмечая их недружественный характер по отношению к нашей стране, об обстановке и переменах в Белом доме после смерти Рузвельта. Диапазон наших бесед был очень широк, Джон проявил глубокий интерес к творчеству русских и советских писателей, поэтов, композиторов, художников, и я в меру своих познаний старался удовлетворить его интерес. Из общения с ним я укрепился во мнении, что он ведет себя искренне и настроен дружески к нашей стране, относится с доверием ко мне. То, что я в нем не ошибался, подтвердила наша встреча десять лет спустя.

Рядом со мной для страховки стоял резидент

С 1954 по 1957 год я работал в США в качестве 2-го секретаря посольства СССР в Вашингтоне. Обсуждая с резидентом оперативные планы, я рассказал ему о наших давних дружеских контактах с Джоном и предложил запросить Центр дать добро на их восстановление. Центр согласие дал. Чтобы отыскать Джона, пришлось проделать большую кропотливую работу. Начал я с тщательного просмотра телефонных книг. Фамилия Джона была весьма распространённой, в результате поиска получился довольно длинный список имен, из которого после тщательного анализа и проверок исключались ненужные. Наконец осталась запись, на которой мы сделали выбор. Последний шаг – проверочный звонок по телефону. Звоню из ближайшего к предполагаемому месту жительства Джона кафе. Рядом со мной для страховки стоял резидент. Я набираю номер телефона, в трубке слышен мужской голос. Я произношу обычное приветствие и, не представившись, спрашиваю:

– Извините, вы не тот Джон, который принимал участие в Ялтинской и Потсдамской конференциях? – фразу я не успеваю закончить, ее прерывает возглас Джона:

– Это ты, Виктор? Откуда ты говоришь? Я был поражен, было ощущение, что он ожидал моего звонка. Услышав в его тоне искреннюю радость, я, после его слов о необходимости встретиться, сказал, что готов хоть сейчас, я рядом.

– Отлично, буду рад, – без тени колебаний произносит Джон, и вот я стою на площадке перед распахнутой настежь дверью. На пороге с радостной улыбкой меня встречает Джон, и я оказываюсь в его крепких дружеских объятиях. Сразу накрывается стол, и на нем, к моему удивлению, появляется знакомая бутылка массандровского вина с надписью рукой Джона на этикетке: «Выпьем при встрече», и рядом пачка папирос «Казбек», с надписью, сделанной моей рукой: «Закурим при встрече». Приятно поразили слова матери Джона: «Наконец-то я вас увидела, сын столько мне рассказывал о вас!»

Мы раскупорили бутылку божественного массандровского вина, теперь уже почти 60-летней выдержки, и два часа пролетели незаметно в дружеской беседе. Трудно было поверить, что после нашего короткого знакомства десять лет назад мы, представители двух стран с диаметрально противоположным строем, находящихся в состоянии холодной войны, один – сотрудник Белого дома, второй – сотрудник советской разведки, остались такими же друзьями, какими были в Ялте и Потсдаме.

Этой washingtonской встречи было дос-таточно, чтобы определить свои позиции и услышать от Джона слова о готовности сотрудничества. Уже на этой встрече я получил от Джона заслуживающую внимания информацию о политической обстановке и взаимоотношениях США с другими странами. Последующие встречи показали, что Джон располагает серьезными разведывательными возможностями и ведет себя честно. За время работы с ним никаких осложнений не было, а поступающая от него информация высоко оценивалась Центром.

Материал подготовил Сергей КРУТЬ.
Фото из архива автора

Он подарил мне дорогие наручные часы, я ему – свою бутылку выдержанного марочного массандровского вина 1901 года. На этикетке бутылки Джон написал по-английски «Выпьем при встрече». А еще я вручил ему пачку популярных в нашей стране папирос «Казбек», на которой написал по-русски «При встрече – закурим».

Иосиф Виссарионович любил пить чай с лимоном, и специально для него в Ялту привезли из Грузии лимонное деревце с висящими на нем желтыми плодами. Его посадили в кадку, и лимоны к чаю ему срывали с ветвей прямо при нем.

Адмиралу Кучерову пить виски до этого не приходилось

В один из дней для высокопоставленных участников конференции и офицеров высокого ранга была организована экскурсия в массандровские винные подвалы. Я сопровождал участников этого мероприятия как переводчик. В завершение экскурсии все ее участники получили в качестве сувенира бутылку выдержанного массандровского вина. На моей бутылке стояла дата «1901 год». Вино было 45-летней выдержки.

На конференцию ожидалось прибытие командующего тихоокеанским флотом, начальника штаба президента, адмирала Леги. Встречал его по протоколу начальник Главного штаба ВМФ адмирал Кучеров. Я сопровождал его в качестве переводчика. Мы встретили адмирала Леги у трапа самолета на сакском военном аэродроме и отправились в автомобиле в резиденцию американской делегации – Ливадийский дворец. По прибытии адмирал пригласил нас к себе, достал из чемодана бутылку виски, вручил нам по большому бокалу и предложил выпить за знакомство и за успех Ялтинской конференции. Ни мне, ни адмиралу Кучерову пить виски до этого не приходилось. Обращаясь к Кучерову, адмирал Леги сказал: «Я буду наливать, пока не скажете «достаточно». Медленная струйка янтарного напитка потекла в бокал. Уже на-

нам, русским, по-дружески было предложено заходить туда, когда было нам нужно.

Для более тесного кулуарного вечернего общения в большом дворце был оборудован еще один зал. Там уже было и спиртное, были и закуски, и здесь, в непринужденной обстановке, могли уже общаться и русские, и англичане, и американцы. Вообще, должен сказать, что обстановка в Ливадийском дворце, где проходили почти все встречи, располагала к открытому общению с нашими гостями – американцами и англичанами. Среди них было немало с русскими корнями, знающих русский язык – детей тех, кого бури революции и Гражданской войны занесли на чужбину.

За участие в Ялтинской конференции я получил орден Красной Звезды

Очень теплые отношения у меня сложились с одним сотрудником Белого дома, назовем его Джон. Высокий, стройный, интеллигентного вида. Мы с ним провели много времени за дружескими беседами. Он с неподдельным интересом расспрашивал меня о нашей стране, объективно оценивал решающий вклад Советского Союза в победу над фашистской Германией. Много ценного я смог почерпнуть от него о настроениях среди американских политиков и военных в оценке перспектив дальнейшего развития событий.

Наступил день отъезда. Расставание с Джоном было теплым, мы обменялись сувенирами. Он подарил мне дорогие наручные часы, я ему – свою бутылку выдержанного марочного массандровского вина 1901 года. На этикетке бутылки Джон написал по-английски «Выпьем

этом дальше. За участие в Ялтинской конференции я получил свою первую награду – орден Красной Звезды.

На Потсдамскую конференцию лидеров трех стран антигитлеровской коалиции, как и в феврале на Ялтинскую, я был направлен в составе оперативной группы НКГБ, в которую входили несколько сотрудников внешней разведки. Я здесь тоже был аккредитован в качестве переводчика, владеющего не только английским, но и немецким языком, однако, в отличие от предыдущей конференции, был уже в армейской форме с лейтенантскими погонами на плечах. Прошло лишь два месяца после окончания войны с Германией, завершившейся ее безоговорочной капитуляцией. Наша оперативная группа прибыла в Берлин уже в середине мая, так как предстояла большая подготовительная работа по обеспечению надежной безопасности конференции.

Вопреки трениям в верхах, многие члены делегаций наших союзников из вспомогательного персонала, с кем мы познакомились еще в Ялте, не изменили своих дружеских чувств к нашей стране, ее народу. Встретил я там и своего ялтинского знакомого Джона, по-прежнему сотрудника Белого дома, уже при новом президенте. Встретились мы с ним тепло, как старые друзья, и почти каждый день, пока шла конференция, мы не упускали возможности поговорить, как у нас называется, «за жизнь». Конечно, я и Джон понимали, что наше тесное общение не должно привлекать внимание окружающих и наши встречи я прикрывал многочисленными контактами с другими членами делегаций союзников.

Джон весьма обстоятельно и со знанием дела рассказывал мне о настроениях

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТРЕЙД»

Адрес учредителя:
127247, г. Москва, Дмитровское шоссе,
д. 100, стр. 2

Генеральный директор:
Андрей КОРАБЛИН

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

**Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)**
ПИ № ФС77-79632 от 25.12.2020 г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 06.04.2021 г.
Выход в свет 06.04.2021 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТРЕЙД», 2021

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10 800 экз.
Заказ № 1027